

18+

Диана Крымская

Паутина

Диана Крымская

Паутина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67871916

ISBN 9785005675743

Аннотация

Авантюрно-любовный псевдоисторический роман. Анна Березина, дочь небогатого помещика, приезжает с сестрой и маменькой в Петербург. Цель девушки одна – найти и отомстить тому, кто убил ее возлюбленного. Анна еще не знает, что ненависть ее обернется безумной страстью к злейшему врагу, и что чувству этому предстоит пройти через множество тяжелейших и мучительных испытаний...

Содержание

ПАУТИНА	5
Часть первая. Выстрел	6
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Паутина

Диана Крымская

© Диана Крымская, 2022

ISBN 978-5-0056-7574-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПАУТИНА

Часть первая. Выстрел

1.

– Вели, Алиночка, Наташе начинать сборы. Мы едем в Петербург, – сказала как-то за обедом Марья Андреевна. Она любила эффекты – и не ошиблась: Алина поперхнулась супом, но, едва откашлявшись, издала ликующий вопль:

– В Петербург!! Мама!! Наконец-то!!

– Елизавета Борисовна прислала приглашение, – улыбнулась восторгу дочери Марья Андреевна.

– Льветарисна! – воскликнула Алина, называя петербургскую тетушку так, как она и Аня привыкли с детства. – Приглашение!! Ур-ра!!! – Радость ее нарастала, как снежный ком; она подпрыгивала на стуле; ей явно было уже не до обеда: не терпелось броситься в свою комнату и велеть горничной начать укладывать вещи.

– Ну, хватит волчком вертеться, – сказал отец, Илья Иванович Березин, – Алинка, тебе говорю!

– Не Алинка, а Алина! – надула губки та. – И даже не Алина! А Александра Ильинична!

– Ильиничной станешь, как поумнеешь хоть маленько.

– Мама!..

– Друг мой, – вмешалась Марья Андреевна, переходя на французский, – зачем вы опять обижаете Алину?

– Да кто ж ее обижает? – отвечал по-русски ее муж. – И ни-

чего такого я не сказал. Просто я бы на ее месте немного у старшей сестры уму-разуму поучился, а не о столицах бы мечтал.

– Может, Аня, по-вашему, папенька, и умная, а вот мне от нее этого добра не надобно! – сказала Алина. – Не хочу, как она, с этим умом старой девой остаться!

– Ты-то уж точно не останешься, – засмеялся Илья Иванович, кидая, однако, быстрый взгляд на молчаливую старшую дочь. – Такая егоза враз замуж выскочит! И Льветарисна никакая не понадобится. Так что – отправляйся с богом с маменькой, и чтоб без жениха не возвращалась! А мы уж с Нюшей тут останемся.

– Анна поедет с нами, – заявила вдруг Марья Андреевна, заставив Аню отложить в сторону нож и вилку. – И не спорь, мон ами.

Мон ами и так никогда с нею не спорил; если уж Марья Андреевна хотела чего-то, всегда было по ее. Однако на этот раз он решился, снова посмотрев на старшую дочь, что-то промямлить; и тут же получил несколько самых веских доводов в пользу поездки Анны в столицу.

– Во-первых, дорогой, девочкам будет веселее вдвоем; во-вторых, я все еще питаю надежды, кои вы уже утратили, мон шер, *пристроить* Анну замуж (от этого «пристроить» Аня внутренне вздрогнула и почувствовала, как краска заливает щеки); наконец, в-третьих – сама Елизавета Борисовна в письме настоятельно просит привезти Анну Ильиничну

в Петербург.

Безусловно, подумала Аня, то, что было «в-третьих», было самым главным аргументом. Льветарисна очень любила ее и искренно желала ее счастья. Но забыла маменька упомянуть и еще один довод – пересуды соседей: как же, отправилась в столицу с младшей дочкой-красавицей, а старшую, бедняжку, уж начавшую засыхать в девушках, не взяла!

Что касается того, что было выдвинуто маменькой «во-первых» и «во-вторых», то это было смешно. Никогда Марья Андреевна не желала замужества Ани; а, что касается Алининой веселости, то для нее старшая сестра совсем не была нужна.

Хотя, посмотрев на сияющую Алину, – так, на французский манер, звали ее в семье, хотя полное имя ее по святцам было Александра, – Аня подумала, что, возможно, без ее желания маменька бы этот аргумент не выдвинула. Младшая сестра поймала ее взгляд и торжествующе высунула язык, и Аня горько усмехнулась про себя. Конечно, Алине нужен свидетель – свидетель того головокружительного триумфа, который она мечтала иметь в Петербурге; и кто мог быть лучшим в таком деле, нежели незамужняя старшая сестра, от всего сердца Алиной нелюбимая?

– Душа моя Ньюша, что скажешь? – обратился между тем к Ане отец. – Я, дорогая, готов тебя отпустить, ежели ты сама не против. Хоть и надеялся с тобой всласть наохотиться, как в прошлом году... Ну, что? Поедешь с мамой и сестрой?

– Я... – начала было Аня, но вмешалась Марья Андреевна:

– Какие могут быть у ней возражения, друг мой? Что лучше: киснуть здесь посреди зимы от скуки – или побывать в столице на самых прекрасных балах?

Аня промолчала. Хотя и могла сказать, что она вовсе никогда не скучает зимою в Шмахтинке: здесь и чтение, и рояль, и перо с бумагою, – и охота, любимая ею и батюшкой. И, наконец, здесь – *он*, Андрей, и как же не хочется покидать его!..

Но спорить с маменькой бесполезно, придется собираться и ехать.

– Я поеду, папа, – промолвила она тихо.

– Вот и хорошо, Нюшенька, – ласково глядя на нее, сказал Илья Иванович, – с богом, дорогая. Глядишь – не одной Алинке жених выпадет.

– Не Алинке, а Алине, *papa!*..

«Любимый мой Андрей! – писала в своей комнате вечером Аня. – У меня плохая новость: мы уезжаем в Петербург: я, маменька и Алина. Как тяжело мне расставаться с тобою, единственное счастье мое! Как не хочется ехать в столицу! Но придется. Алине пора искать жениха, возможно, у Елизаветы Борисовны есть уже кто-то на примете. Маменька и меня хочет пристроить (что за отвратительное слово!), но я ни за что не пойду замуж. Мне нужен только ты, мой любимый!

Мы выезжаем завтра утром, если ночью не заметет. Не знаю, успею ли я положить письмо в *наше* место, но надеюсь, что мне это удастся...»

– Все пишешь? – раздался сзади голос Алины, и Аня вздрогнула, быстро прикрыв лист рукой. Алина обладала неприятной манерой входить в комнату без стука, а, поскольку походка у нее была легкая, вполне могла подкрасться незаметно. – Стишки?

– Нет, не стихи, – ответила Аня раздосадовано.

– Ну-ну. – Алина прошлась по комнате. Она была в полупрозрачном белом пеньюаре, не скрывавшем ни высоты роста, ни стройности фигуры, ни округлых бедер, ни длинных ног, ни высокой пышной груди. Русые волосы волнами распущены по плечам; яркий пухлый рот улыбается, и блестят ровные мелкие зубки; большие зелено-голубые глаза сияют на белоснежном лице, – русалка, вдруг обретшая ноги, да и только!

Аня подумала, сколько будет у сестры поклонников, стоит ей только появиться в свете, – подумала без зависти, просто констатируя тот факт, что Алина очень красива. Эта красота всегда бередила Анино сердце, заставляя его сжиматься щемящей тоской: сходство Алины с Андреем было очень велико.

Сама Аня не могла похвастаться ни ростом, ни фигурой, ни лицом. Она была, как говорят в народе, «от горшка два вершка», ну, разве что чуть-чуть повыше; фигура у нее бы-

ла мальчишеская: узкие бедра, широкие плечи, и это при худобе почти болезненной. Она вся пошла в мать, и в детстве ее часто дразнили «татаркой»: кожа смуглая, волосы черные и совершенно прямые. И, наконец, карие, как-то странно расположенные, глаза: очень широко расставленные, узковатые и приподнятые к вискам.

Андрею они нравились; он говорил, что в них есть что-то восточное, таинственное. «Твои глаза, моя Annette, загадывают загадку, и тщетно пытаться разгадать ее...» Но сама Аня считала и свои глаза, и всю свою внешность крайне заурядной и незаметной. А уж рядом с яркой красотой Алины – и говорить нечего.

– Ты уж собралась? – спросила младшая сестра.

– Да.

– Маменька сказала: выедем пораньше, чтоб засветло добраться. Только бы метели не было!

– Даст бог, не будет.

– Даст бог. – Алина села на краешек разобранной постели сестры, поджав под себя одну ногу, как любила; потянулась всем гибким девичьим телом, зевнула. – Льветарисна пишет: в этом году в столице очень много молодых холостяков из хороших семей. Выбери – не хочу. Так что, может, и тебе повезет, сестрица.

– Ты же знаешь: я замуж не собираюсь.

– Ну, да. Неужели все об Андрее думаешь?

– Тебя не касается, – резче, чем собиралась, сказала Аня.

– Дурочка, хватит уж мечтами-то несбыточными жить. Что было – того не вернешь. Жизнь продолжается, дорогая! Погоревала – и хватит.

– Твоего горя точно на неделю хватило, – сказала Аня, вставая. Губки сестры обиженно искривились:

– Неправда! Я просто умею свои чувства скрывать. Не то, что некоторые.

Аня вздохнула:

– Иди, Алина. Пора ложиться – и тебе, и мне. Завтра в дорогу, вставать рано. – Она подошла, поцеловала горячую Алинину щеку, небрежно подставленную: – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

И Алина выскользнула из Аниной комнаты, бросив, однако, на стол и лист бумаги на нем полный любопытства взгляд.

«...Прощай, любимый мой Андрей! Я буду думать только о тебе, и о том, что, как бы долго ни длилась разлука, я вернусь обязательно!

Твоя навсегда, Annette.

PS. Как ни хочется ехать в Петербург! но есть там у меня дело, которое рано или поздно нужно было бы сделать. Я обещала тебе пять лет назад, и не думай, что забыла об этом...

Ты знаешь, о ком я говорю, любимый: это Р. Тот, из-за которого погублено наше с тобою счастье. Увижу ли я его

в столице? Бог весть; но встретиться бы хотелось».

2.

Графиня Ирина Павловна Раднецкая, пылая гневом и сверкая бриллиантами, в полном бальном туалете – и оттого еще более прекрасная, чем всегда – ворвалась, даже не соизволив постучаться, в кабинет мужа.

– Я желаю говорить с вами, Серж! Немедленно! – сказала она задыхающимся голосом по-французски.

Управляющий, Глеб Игнатович, вскочил, глядя на великолепную жену своего патрона со смешанными чувствами изумления и восторга. Но ее муж, граф Сергей Александрович Раднецкий, хоть и поднялся тоже с кресла, стоявшего во главе письменного стола, лишь скучающе поднял бровь и скрестил на груди руки.

– Вы забыли о нашем договоре, мадам.

– Плевать мне на договоры!

Он поморщился.

– Боюсь, мадам, что я сейчас занят. Отложим разговор, – холодно произнес он по-русски.

– Нет, сейчас! Я не могу ждать! – продолжала Ирэн на французском. Сергея коробило ее незнание родного языка; если она и говорила на нем, то путала слова и грассировала, надо-не надо, так, что понять ее было почти невозможно.

– Э-э... Ваше сиятельство, я могу и в другое время зайти, – пролепетал Глеб Игнатович, не понимая, но догады-

ваясь, чего хочет графиня, – обычно деловито-собранный и уверенный в себе, сейчас он был полностью ослеплен ею. – Разрешите откланяться.

– Хорошо. Иди, Глеб Игнатович. Продолжим завтра, – сказал Сергей. Управляющий, низко поклонившись, вышел, и граф показал жене на кресло напротив письменного стола. Когда она села, шелестя бальным платьем, Раднецкий также опустился в свое кресло и произнес:

– Я слушаю вас, мадам.

Ирэн молчала, нервно стягивая с руки длинную перчатку. Сергей невольно следил за движениями жены; но, когда обнажилась эта рука, нежная и необычно тонкая в кисти, с кожей, не менее белоснежной, нежели облегающая ее ткань, он едва подавил гримасу отвращения.

– Я слушаю вас, – повторил он.

Она зло скомкала перчатку в пальцах.

– Я все знаю.

– О чем?

– О вас и об этой... как ее?... Ольге Шталь.

– И что же вам известно? – холодно осведомился он, – он говорил, как всегда с нею, по-русски, а она – по-французски; выходило смешно и нелепо. Но Сергей не мог пересилить себя и вести беседу на французском; это было бы уступкой Ирэн, – а любая уступка ей означала поражение.

– Вас видели в ее заведении. И не один раз. Это... непристойно! Я пожалуюсь на вас государю!

Он пожал плечами:

– Жалуйтесь сколько вашей душе угодно. Не вижу здесь ничего непристойного.

– Как вы можете?! Вы делаете это нарочно! Вам нравится, когда о вас судачат! Но вы забываете, что это порочит не только вас, но и меня! Честь нашей семьи...

– Вам ли говорить о чести? – презрительно бросил он. Эти разговоры между ними велись уже не единожды и безмерно утомили его. – И, тем более, о семье, – добавил он с горечью.

Она взвилась эринией:

– Вы не смеете упрекать меня в этом! Я сделала все, чтобы быть вам хорошей женой, Серж!..

– И хорошей матерью? – спросил он. Она осеклась и прикусила губу. Затем произнесла:

– Не будем сейчас о Николая. Речь не о нем.

– Почему же нет? Коля наш сын, наследник, – и не это ли главное, что связывает нас, раз уж вам угодно именовать наши отношения семьей?

Пальцы Ирэн мяли, тянули и рвали тонкую ткань перчатки.

– Я не могу покинуть двор, чтобы съездить к нему! – воскликнула она срывающимся голосом. – И вы это прекрасно понимаете!

Граф откинулся на спинку кресла и снова скрестил руки на груди:

– Нет, не понимаю, мадам. Государю вы уже не нужны –

и давно. Вы вполне могли бы оставить Петербург и съездить к сыну в Гурзуф.

Ирэн вздрогнула, будто он дал ей пощечину; щеки заале-ли.

– Это неправда! Все, что говорят о нем... и этой дурочке, которой он якобы увлекся, – неправда! – истерично взвизгнула она.

– Мне это все равно, – презрительно перебил ее муж. – Мне важен Коля. Его здоровье, его счастье. Он скучает по вас. Вы могли бы хотя бы несколько раз в год ездить к нему.

– Я съезжу, – быстро произнесла Ирэн. – Весной. Когда снег сойдет.

– Я запомню, что вы это сказали.

Она вдруг встала, перегнулась через стол и положила узкую ладонь ему на плечо.

– Серж, если я обещаю, что поеду... Вы станете другим? – спросила она грудным голосом, который раньше сводил его с ума и заставлял сердце колотиться как бешеное. – Вы вернете мне свою пылкую любовь? О, Серж... То, что было между мною и его величеством... Я не могла отказать ему, вы должны понять это. Я была так юна, так наивна...

Сергею очень хотелось стряхнуть ее руку, как стряхивают мерзкое насекомое. Он резко встал:

– Если это все, мадам, то прошу меня простить, у меня еще есть дела.

Облако пробежало по ее прекрасному лицу, но она тотчас обольстительно улыбнулась:

– Хорошо. Я вас оставлю, Серж. Но помните: дверь моей спальни всегда открыта для вас.

Она исчезла за дверью, а Сергей прошелся по кабинету. Перчатка Ирэн валялась на ковре; он поднял ее кончиками пальцев, брезгливо – и швырнул в корзинку для ненужных бумаг и мусора.

Но на руках остался аромат ее духов. Когда-то он пьянил графа больше любого вина. Теперь и этот запах вызывал тошноту. Захотелось немедленно вымыть руки, словно они испачкались.

«Двери вашей спальни открыты для меня! Да; но почему бы, дорогая Ирэн, вам не добавить также, что они открыты еще и для государя императора? И для других, молодых и наглых? Вы просите меня о любви! Какая чушь! Когда же вы поймете, мадам, насколько вы омерзительны мне, со всей вашей красотой, бархатным голосом и обворожительной улыбкой?»

Боже, как же она глупа!.. Вернее, не так, – как *он* был глуп, что не замечал этого, когда влюбился в нее без памяти и попросил ее руки!

И эта сцена при управляющем... Глеб Игнатович, конечно, никому ничего не скажет; но ведь на его месте мог быть кто угодно! А он, Сергей, заключил с Ирэн договор: всегда вести себя на людях и при слугах чинно, – или, как говорят

в народе, никогда не выносить сор из избы. Никто не должен знать о том, что творится на самом деле в семье графа Раднецкого!

Граф сел и принялся писать письмо Коле в Гурзуф. Коля уже умел читать, хотя ему совсем недавно исполнилось пять с половиной. Он был умным и сообразительным не по годам. Сергею вдруг страстно захотелось увидеть сына, прижать к себе хилое, тоненькое, как стебелек, тельце, поцеловать темную кудрявую головку, пойти с мальчиком на море...

Но, как флигель-адъютант его величества, он не мог так просто покинуть столицу. Возможно, весной... Он представил, что Ирэн захочет поехать с ним, – хотя в это и мало верилось, – и содрогнулся. Терпеть ее совсем рядом столько дней... Невыносимо. Он уже проходил однажды через это, – и во второй раз, чувствовал, не выдержит этой пытки.

Сергей дописал письмо, вставил перо в чернильницу и посмотрел на часы на стене. Восемь вечера. Ирэн отправилась на бал и вернется не раньше трех ночи.

Интересно, откуда она узнала об Ольге Шталь? У мадам Шталь было весьма респектабельное заведение, а не простой бордель, на Итальянской; но Сергея привлекали не работавшие в нем девицы, а сама Ольга – открытая, добродушная и веселая. Между ними была большая разница в возрасте, – ему тридцать, ей сорок четыре, – но он никогда не думал об этом. Возможно, она нравилась ему так потому, что была

полной противоположностью высокой золотоволосой стройной Ирэн: маленькая, пухленькая брюнетка.

Сергей поморщился, представив, как жена нажалуется на него императору, и тот наверняка сделает своему адъютанту выговор.

Придется, как это ни противно, что-то придумать, чтобы при следующем посещении заведения на Итальянской его не узнали.

Он шагал через анфиладу личных покоев, мрачно сдвинув брови. Если бы он мог бросить все здесь – и уехать к Коле в Крым! Увы, об этом можно только мечтать. Так же, как о том, что когда-нибудь он обретет настоящую семью и станет счастливым с нею.

3.

Льветарисна, – как называли ее, с самого детства, Аня и Алина, – она же Елизавета Борисовна Лисицына, – была генеральскою вдовою и персоною, хорошо в Петербурге известной и принятой даже в самых высоких кругах. Мужа ее, скончавшегося лет тридцать тому назад, мало кто помнил; тот дослужился, вернее – дотянул, без всяких подвигов на поле брани, – до генерала; в шестьдесят с лишком лет взял восемнадцатилетнюю сироту, девицу Лизоньку Баскову, замуж; да месяца через три умер, оставив молоденькую жену вдовою, причем несметно богатою.

Елизавета Борисовна замуж больше не вышла; скорбя о почившем супруге, она оделась в черное и велела обить черным крепком портрет мужа в парадном мундире, висящий в большой нижней зале ее петербургского дома. С тех пор и генеральша, и этот портрет траура не снимали. Более того, – Елизавета Борисовна частенько вспоминала «своего Дмитрия Ивановича», к месту и нет, так, будто прожила с ним не три месяца, а, по крайней мере, лет десять.

Ее многие считали чудаковатой, однако, не в глаза; очень высокого роста, статная, с большими глазами навывкате и зычным голосом, она походила на гренадера и невольно вселяла в собеседников уважение и даже боязнь.

Илье Ивановичу Березину генеральша приходилась свояченицей по первой жене. Вторую жену его, Марию Андреевну, она сразу невзлюбила, и нелюбовь эта, к обоюдному согласию, а порою и удовольствию, обеих дам, не стала с годами слабее; но зато она обожала обеих его дочерей.

После того, как, лет семь назад, в результате пожара, сгорел дом Березиных на Малой Садовой, Илья Иванович, по нехватке денег на восстановление своего петербургского жилища, перебрался насовсем в Шмахтинку, загородное поместье верстах в восьмидесяти от столицы. Сам он так приохотился к жизни в деревне, что стал настоящим затворником; но Марию Андреевну и своих дочерей отпускал в Петербург или Москву, ежели их приглашал кто-нибудь из родни. Чаще всего такие приглашения приходили от Льветарисны.

Еще одной причудой её была страсть к сватовству; и тут она самых первых петербургских мастериц этого дела могла заткнуть за пояс. Она переженила всех своих дальних и ближних родственников обоюго пола; потом взялась за хороших знакомых. Бесприданницам дарила приданое; если была нужда, помогала деньгами со свадебными торжествами. У нее была легкая рука, и не было неудач, – разве что с обручением Ани четыре года назад.

...И вот теперь настал черед и любимицы Льветарисны – Алины Березиной. Алине недавно исполнилось семнадцать, она была чудо как хороша, и тетушка, конечно, уже подобрала ей прекрасную партию, – уж не меньше, чем графа, а, может, и князя...

Так мечталось всю дорогу до Петербурга Алине и ее маменьке. И Льветарисна не обманула их ожидания: прямо в дверях, едва обняв и расцеловав гостей, объявила им своим зычным голосом, что у нее на примете двое женихов для Алечки – оба красавцы, оба хороших фамилий; один, правда, всего лишь барон и в годах, но очень богатый, а второй – молодой князь, и оба уже страстно желают познакомиться с младшею девицей Березиной.

– Как же ты похорошела, свет мой Алечка! – рокотала Льветарисна, – красавицей и в прошлую зиму была, а сейчас – ну, просто глаз не оторвать! Дай, еще раз тебя поцелую! И выросла! Гляди, с меня ростом не стань, милая; иначе мужчины бояться к тебе подходить будут.

Алина прыгала вокруг тетушки, как мячик; Марья Андреевна сменила обычную холодноватость на сладчайшие улыбки. Аня стояла чуть в стороне, молча стряхивая с капора хлопья снега, – который, слава тебе Господи, повалил валом, когда Березины уже подъезжали к Большой Морской, где находился особняк генеральши Лисицыной.

– Ну, а что ты хмурая да бледная, Анюта? – спросила Льветарисна, оборачиваясь к ней.

– Извините, тетя. Устала чуть-чуть.

– Устала? Ничего, за семь дней отоспишься-отдохнешь. У меня новость, от которой любое девичье личико заалеет. Через неделю бал в Николаевском зале Зимнего; приглашение есть, так что, Алечка, и ты, Анюта, вы обе непременно там будете! А до того времени постараемся вам гардероб справить побыстрее, благо, три француженки-портнихи меня обшивают. Ты что, Марья, вроде как улыбнулась ехидно? Нет, показалось мне? Да ладно, вижу ж тебя насквозь! Усмеяешься, что, мол, я траур ношу, и чего меня иностранкам обшивать? А это моя такая прихоть... Алечка, Анюта, завтра с утра всех мадам позову, будем ткани выбирать и примеркой займемся. А пока – по своим комнатам, переодевайтесь, да через полчаса к ужину вас жду.

«Любимый мой Андрей! Ты получишь это письмо нескоро, но я не могу не написать тебе. Вот и добрались мы благополучно до Петербурга. Через неделю будет бал, на который

мы приглашены. Алина вне себя от восторга и предвкушения. Думаю, у нее не будет отбоя от поклонников. Видел бы ты ее сейчас! Она за эти пять лет превратилась в настоящую красавицу. И как же она похожа на тебя, любовь моя!..»

– Можно к тебе, Анюта? – послышался за дверью голос Льветарисны.

– Заходите, тетя, – Аня поспешно промокнула лист и спрятала его под бювар.

Льветарисна вошла в комнату.

– Как устроилась, голубка, на новом месте?

Девушка улыбнулась. Комната эта всегда была ее, Аниной, когда они приезжали гостить к Льветарисне. Здесь Ане была знакома каждая половица; так что вопрос об устройстве был совсем ни к чему.

– Замечательно, тетя. Спасибо вам.

– Ну, и хорошо. А пишешь кому?

Аня почувствовала, как щеки заливает предательский румянец.

– Никому. Я... я собиралась *rara* написать. Что мы добрались, и что все хорошо.

– Отцу – это хорошо. – Льветарисна прошла по комнате. Затем подошла к Ане и приподняла ее лицо за подбородок:

– Девочка моя, я думала, за этот год ты хоть немного поправишься да румяной станешь. Вон твоя сестра – наливное яблочко! А у тебя... дай-ка пощупаю... вон, косточки на ключицах – как у цыпленка дохленького торчат. Не дело

это, Анюта!

– Я просто малоежка, тетя...

– Малоежка она! И малосоня – вон какие под глазам круги. И отчего ж это все?

– Не знаю...

– Зато я знаю. И почему четыре года назад ухаживания Льва Горского отвергла. А ведь такой был жених!.. Это все Андрей. Так ли?

– Н-нет, тетя, – пыталась освободить пылающее лицо от крепкого тетиного захвата Аня. – Вовсе нет.

– Да будет врать-то, девочка! Все он. Сколько ж можно? Пять лет прошло. Погоревала, поплакала – и будет. Тебе двадцать четыре, о будущем думать надобно, а не прошлым жить. Да и не могло меж вами ничего быть, – сама знаешь. Грех большой.

Аня встала и твердо взглянула в выпученные добрые глаза Льветарисны:

– Не могу я его забыть! Любила и люблю. И ничего не могу с собой поделать!

Тетя вдруг привлекла ее к себе, обняла, поцеловала в лоб:

– Анюточка, я разве не понимаю? Материнское это в тебе, не березинское. Она тоже такая была – однолюбка. Да и я вот, как полюбила Дмитрия Ивановича, – так на всю жизнь. Пусть злые языки мелют, что я с ним без году неделю прожила, – зато неделю эту счастлива была и любима, как другая жена за двадцать лет не будет. Что стар он был, а я мо-

лода, судачат... Летами он был стар, – а душою молод, может, и моложе меня. Да и что молодые? Волокиты, охальники, бретеры. А человек в летах о таком уж не думает. Ему главное – семья, жена... Так что, Анюта, все страдание я понимаю. Но понимаю и то, что семья каждой женщине нужна, и детишки тоже. Вот гадают: чего я, на старости лет, всех женить удумала? Это во мне то самое, материнское. Что выхода не нашло. Мне ведь каждая пара, что венчается по моему старанию, – словно мои детишки. Смотрю на них, молодых и счастливых, – и душа радуется. Так что, Анюточка, горе горем, а ты переступи, перешагни! И дальше иди. Прошное не забывай, коли не можешь, но будущим не пренебрегай. Ты еще молодая, красивая. Не верти головой – красивая, я сказала! Выйдешь замуж, детишки пойдут – и все наладится.

Аня молчала, прижавшись щекою к тетиной груди. Разумом она понимала – Льветарисна права. Но сердце обливалось кровью, кричало: «Нет!! Не могу!! Не могу и не хочу!! Другого не будет!! Никогда!!»

Когда тетя вышла, Аня подошла к большому старинному гардеробу, распахнула тяжелые створки. Это висело где-то здесь... Она перебирала одежду на вешалках, пока не нашла нужное. Вытянула из шкафа.

Одежда мальчика, – на одном из костюмированных детских рождественских праздников лет шесть назад она надевала ее. Они разыгрывали тогда сказку, придуманную Андреем. Главным героем был Иван-простак. Ему достались

в конце полкоролевства и рука принцессы, – в роли этой последней выступала, конечно, Алина, – его играла она, Аня.

Здесь были тулупчик, шапка-ушанка, валенки, рубашка и нанковые панталоны. Наряд мальчика из простонародья.

Аня нахлобучила ушанку, примерила рубашку, панталоны, надела тулупчик, подвязала его кушаком. Не удивилась, что прекрасно влезла во все это; тогда она была даже полнее, – ведь Андрей еще был с ней... Он тоже играл в том спектакле, – короля. Как красиво сидела корона на его русых волнистых кудрях! А с каким поистине монаршим величием он перебрасывал через руку длинную мантию, произнося свой монолог!.. И как потом они трое – она, Алина и он, – весело смеялись, возвращаясь домой!..

Аня сняла одежду, аккуратно повесила на вешалку и убрала обратно в шкаф. Этот наряд может ей понадобится. Она решила до большого бала обязательно сходить в одно место. Может быть, удастся даже завтра. Лъветарисна предложила маменьке и Алине поехать завтра вечером в гости к Мещерским, а она, Аня, может сказаться больной... И отправиться *туда*. Может быть, она даже встретит *его*...

Она почувствовала нарастающее возбуждение. В Петербурге ли *он*? Наверняка да, раз государь здесь. Она может повстречать *его* где угодно.

Она села за письменный стол, достала лист из-под бювара и продолжила писать:

«Милый мой Андрей! Ты знаешь, что я согласилась на эту

поездку не просто так. Уверена, Р. здесь, в Петербурге. Я еще не знаю, как и где... но я встречу с ним. Обязательно.

Твой пистолет всегда со мной. Я слежу за ним, чищу и ухаживаю. Любимый, возможно, он мне скоро пригодится.

Твоя навек, Annette».

4.

– Что скажешь, Глеб Игнатович? – спросил Сергей, надвигая пониже на глаза потрепанный заячий треух.

– Что сказать, ваше сиятельство; вылитый мой Агафон.

Граф усмехнулся. Похоже, его задумка оказалась вовсе не так плоха. Глеб Игнатович сегодня привел с собой помощника; тому дело нашлось до утра: разобрать и привести в порядок кое-какие документы. Сергей же надел верхнюю одежду приказчика, который был примерно одного с ним роста и сложения.

Глебу Игнатовичу граф сказал, что собирается на маскарад. Поверил ему управляющий или нет, было непонятно, – старик был немногословен и умел скрывать свои чувства не хуже Раднецкого; но в том, что Глеб Игнатович не проболтается, Сергей не сомневался.

Поутру они должны были встретиться неподалеку и вместе вернуться в особняк. Сергей уже предупредил прислугу, что к восьми управляющий придет к нему вновь.

Они благополучно прошли через залы и вышли через заднюю дверь. Было около девяти; вечно заспанный лакей от-

ворил им и выпустил в необычно теплый после вчерашней метели зимний вечер, дохнувший им в лицо петербургской сыростью – резкой, столь характерной для северной столицы, переменной погоды.

– Ишь, теплынь-то какая, – сказал Глеб Игнатович, пока они: управляющий – впереди, Раднецкий – позади, как положено лицу подчиненному, – шли к воротам. – Вот вам и зима! Враз снег развезло. Не поскользнитесь, ваше сия... – Он оборвал; они были уже у ворот. Одна из створок была распахнута, и сторож, Семен, высокий кряжистый мужик, находился не на своем обычном посту, а за воротами. В одной руке у него качался фонарь, а другой он держал за шиворот кого-то, очень маленького роста, и что-то гудел.

– Семен Нилович, чего там у тебя? – спросил Глеб Игнатович, подходя ближе. Сергей все так же шел за ним.

Семен оглянулся:

– Да вот, Глеб Игнатыч, мальчишка больно подозрительный. Наподдать ему, што ли, чтоб не молчал, ровно язык проглотил? – Сторож встряхнул свою добычу так, как встряхивает собака попавшую ей в пасть дичь. – Вертелся он тут, у ворот, долго. Потом, как я вышел, узнать, чего ему надобно, меня начал спрашивать, Да все про их сиятельство...

– Что же он спрашивал?

– Да вот, Глеб Игнатыч, дворец ли это их сиятельства, да где их сиятельство сейчас...

Раднецкий кашлянул, привлекая внимание управляюще-

го и, когда тот обернулся, сделал рукой незаметно знак, сразу стариком понятый.

– Ты вот что, Семен. Иди дальше карауль, а я мальчишку сам расспрошу, – произнес Глеб Игнатович. – Фонарь только дай.

– Слушаюсь, Глеб Игнатыч. Только крепче его держите, он верткий да шустрый. Как бы не вырвался да не сбежал.

– Сергей, возьми фонарь, – скомандовал Раднецкому, пряча в вислых усах улыбку, управляющий, и взялся за воротник тулупчика пленника. Тот не сопротивлялся. Чуть наклоненная голова его, в ушанке набекрень, едва доставала Сергею до плеч. – Ну, постреленок, – продолжал Глеб Игнатович, делая знак Раднецкому, чтобы тот поднес к лицу пойманного фонарь, – не бойся. Говори: что тебе надобно? Что ты тут высматриваешь да вынюхиваешь?

Мальчишке, видно, не понравилось, что его хотят рассмотреть; он начал вырываться, бормоча что-то, похожее на ругательства. Сергей все же осветил его лицо – и увидел чуть раскосые, не совсем русские глаза, злобно сощуренные, и искривленный рот. Кожа лица поразила его своей чистотой и нежностью, но он не успел задуматься над этим; Глеб Игнатович вдруг ойкнул, как от боли, и выпустил воротник пленника. Тот, не медля ни секунды, ударил Раднецкого каблуком по колену и бросился бежать по улице...

Аня остановилась не скоро. Ей все казалось, что эти двое

бегут за нею. Когда же она перешла с бега на шаг и оглянулась, то увидела, что ни одного из воображаемых преследователей сзади не оказалось. Зато она находилась в незнакомом месте, судя по всему, где-то между Невским и набережной Невы. Улочки здесь были узкие, темные и пустынные.

Она пошла наугад налево и вскоре вышла на довольно хорошо освещенную улицу, по которой, несмотря на позднее время, ездили сани и сновали прохожие. Здесь почти в каждом доме были кабаки и питейные заведения; пахло отбросами и нечистотами; мокрый снег был испещрен бурыми, коричневыми и желтыми пятнами в неровном свете фонарей; отовсюду доносились звон посуды, крики и хохот, а кое-откуда – или нестройные песни, или ругань и шум потасовок.

Аня пошла быстро, торопясь поскорее пройти это неприятное место, стараясь глубоко не дышать, а также не поскользнуться и не упасть. По ее расчетам, она должна была скоро выйти к Исаакию, откуда до Большой Морской было рукой подать.

Как же нехорошо получилось! А ведь все поначалу шло как по маслу. И из дома Льветарисны она ушла незамеченной, и особняк Раднецкого быстро нашла. Дернуло же ее за язык расспрашивать этого сторожа! А он возьми да и схвати ее.

Слава богу, ей удалось сбежать от этих двоих, что хотели ее допросить, а то неизвестно, чем бы все кончилось...

Теперь Ане нужно было как можно быстрее попасть в дом

Льветарисны; если она не вернется до возвращения тети, маменьки и Алины, то попадет не только ей, но достанется и Кате – горничной, которая помогла ей выскользнуть из особняка незамеченной, да еще в таком странном наряде...

Неожиданно из распахнутых дверей одного трактира вышвырнули прямо под ноги Ане совершенно пьяного мужика в одной посконной рубахе. Девушка в испуге шарахнулась; и тут же почувствовала, что ее снова схватили за шиворот – уже в третий раз за этот вечер!

– А что это такой мальчонка в поздний час один по улице шастает? – раздался над ее ухом неприятный вкрадчивый голос. – Думаю, тебе нужна компания, дружок.

– И впрямь, – хохотнул другой голос, прокуренный и хриплый, и его обладатель вырос перед Аней – судя по всему, это был моряк, в расстегнутом бушлате. Он был сильно навеселе и покачивался, как при качке. – Пойдем с нами, юнга! Будем одной командой!

– Конечно, он пойдет, – вновь вкрадчивый. – Он получит рубль. Целый серебряный рубль, слышишь, милый? И всего-то за то, чтобы его новым друзьям было нескучно. Не бойся, мы тебя не обидим. Наоборот, кое-чему научим, а потом проводим тебя домой, дорогой. Ну-ка, дай тебя рассмотреть... – Анино лицо было повернуто сильными пальцами к свету из распахнутых дверей трактира, – и какое у тебя нежное личико!.. – И голос даже задрожал от возбуждения. –

Мы с тобой славно повеселимся!..

Как они собираются с ней веселиться, Аня слушать не стала. Она использовала уже испытанный прием – со всей силы наступила на ногу державшего ее вкрадчивого – и бросилась бежать.

Однако не успела девушка сделать и двух десятков шагов, как нога ее поскользнулась, и Аня упала в зловонную лужу, полную помоев, только что выплеснутых из окон ближайшего кабака. Она барахталась, тщетно пытаясь подняться; а сзади уже приближались шаги и голоса. Вкрадчивый стал визгливым, он называл ее щенком и грозился ужасной расправой. А моряк отпускал такие сочные ругательства, что Аня не понимала ни слова, но смысл их был предельно ясен: ей нет спасения, эти двое оказались пострашнее тех, от которых она сбежала у особняка Раднецкого!

Ее пнули сапогом в ребра так, что у нее захватило дыхание; затем за грудки подняли из лужи и поставили на ноги. Кулак моряка, огромный, как кузнечный молот, оказался перед ее лицом, и она зажмурилась, ожидая неминуемого удара...

– Не тронь мальчика! – услышала вдруг Аня женский голос с заметным акцентом. Открыв глаза, она увидела остановившийся рядом возок. Сидевшая в нем женщина в куньей шубе и белом пуховом платке указывала на Аню рукою, выпростанной из белой же песцовой муфты.

– Отпустить его. Сразу. Ну!

– Это еще что? – ощерился моряк. – Не лезьте в свое дело, мадама!

– Я сказала: отпустить. Гуго... – дальше последовала команда на немецком, и кучер саней, огромный и толстый, поднялся, недвусмысленно постукивая по голенищу сапога ручкой длинного кнута.

Моряк сплюнул, вкрадчивый отпустил воротник Аниного тулупчика. Они исчезли, как тени, растворившись в темноте ближайшего переулка.

Анина нежданная спасительница поманила ее к себе:

– Подойди.

Аня нерешительно приблизилась.

– Залезь, – чуть подвинулась женщина, показывая на место рядом с собою. – Ну, зачем стоишь? Залезь. Я уеду, они вернутся.

Этот аргумент убедил Аню; она села рядом с женщиной, стараясь не прикасаться своей мокрой, дурно пахнущей одеждой к роскошной шубе незнакомки.

– Не беспокойся, – сказала женщина и усмехнулась чему-то, – грязь к грязи не... липает? Так говорю?

– Не липнет, – ответила Аня, хотя и не поняла, почему ее спасительница произнесла эту поговорку.

– Правда. Не липнет, – кивнула головой женщина и крикнула: – Гуго! Тронь!

Свистнул кнут; конь побежал. Они ехали не в ту сторону, куда было нужно Ане, но с нею столько всего случилось, она

была в таком расстройстве чувств, что сначала даже не заметила этого. Она сидела, ощущая, как холод и вонючая влага пробираются сквозь хлипенький, – как сказал бы Андрей, «бутафорский», – тулупчик, и начиная постепенно мелко трястись и клацать зубами.

Конь шел рысью; мокрые ошметки снега летели из-под копыт; Гуго порой вскрикивал что-то по-немецки, охлестывая его.

– Мое имя Хельга, но ты называй меня Ольга, – сказала Анина спасительница. Аня кивнула, стараясь не слишком громко стучать зубами.

– Что ты делала в таком месте?

– Но я... – вздрогнув от этого «делала», запротестовала Аня, но Ольга вдруг откинула голову и добродушно рассмеялась, показывая прекрасные зубы:

– Девочка, я не дура. Я поняла сразу, ты не мальчик.

– Да, – сдалась Аня, – да, вы правы, мадам, я не мальчик.

И я просто заблудилась. Вышла погулять...

– Ты хорошо говоришь, – заметила Ольга. – Ты не простая, ты хорошей семьи. Скажи: кто гуляет в такое время одна в хорошей семье? – Она лукаво подмигнула.

– Я... – Аня не была уверена, что этой, на вид такой милой, женщине можно сказать хоть немножко из правды. – Я поссорилась с сестрой и маменькой. Мы приехали на днях. Мы играли с сестрой, в переодевание. Поэтому я так оделась. Потом пришла маменька и запретила нам играть. И я разо-

злилась и... сбежала. Я плохо знаю Петербург. Поэтому заблудилась.

– Так, – произнесла Ольга, явно не поверив сбивчивому рассказу Ани. – Хорошо. Пусть будет это. А как твое имя?

– К-Катя. – Аня назвала первое пришедшее в голову.

– О! Катя! Это – Екатерина. Красивое имя. Две русские императрицы были Екатерины. Первая была немка. Как я. Я знаю.

– Куда мы едем? – спросила Аня.

– В мой дом. Ты дрожишь. Холодно. Мокрая. Тебе надо мыть, сушить. Так говорю?

– Не совсем. Помыться. Обсушиться.

– Да. Русский трудный. Я говорю много неправильно. Ты помоешься. Обсуши... Трудный язык. Потом поедешь с моим Гуго домой. А едем недалеко. Сейчас. Итальянская.

– Итальянская, – повторила Аня. Они уже были недалеко; они как раз проезжали Михайловский сад.

Конь остановился посередине Итальянской, у красивого дома розового камня. Гуго спрыгнул с облучка, подошел к железным воротам, ключом, который достал из кармана овчинного полушубка, открыл их. И вот возок проехал через подворотню и оказался во внутреннем дворе.

Ольга и Аня вышли из саней и подошли к одностворчатой двери, которую Анина спасительница открыла своим ключом и шагнула вперед.

– Пошли.

Аня остановилась. До этого она следовала за Ольгой, как сомнамбула; но тут вдруг что-то заставило ее насторожиться. Ольга заметила ее колебания, улыбнулась:

– Пошли, девочка. Не бойся. Это мой дом. Тут плохо тебе не сделают. Тебя никто не увидит. Обещаю.

Слова «не бойся» Аня слышала за этот вечер уже в третий раз; и дважды они предвещали опасность. Не было ли опасности и в Ольге? и в этом ее предложении идти за нею в незнакомый дом? И что означала ее странная фраза: «Грязь к грязи не липнет»?..

Но Аня представила, что ждет ее, если она откажется от гостеприимства своей спасительницы – и содрогнулась. Даже если она добредет до дома Льветарисны, – в чем девушка очень сомневалась... Если ее увидят в таком виде маменька и тетушка, – все пропало. Ее тотчас отошлют к отцу в Шмахтинку. И не видать ей больше Петербурга. А Ане теперь вовсе не хотелось возвращаться. Пока она не сделает того, зачем приехала... И она поспешила за Ольгой.

5.

Аня, наслаждаясь, полулежала в ванне и мелкими глоточками отхлебывала глинтвейн из стакана. Вода в ванне была горячая и ароматная: Ольга плеснула в нее из хрустального флакона какую-то приятно пахнущую жидкость. После вонючего, мокрого тулупчика ощущения были божественные. Вот только начали болеть ребра, куда моряк ткнул сапогом;

на боку появился большой кровоподтек.

Ванна стояла в комнатке, похожей на будуар; соседняя же, просторная, отделенная от него тяжелыми бархатными портьерами с кистями, являлась спальней и, одновременно, чем-то вроде кабинета.

Там была дверь, ведущая, очевидно, в третью комнату; таким образом, квартира Ольги являлась довольно большой.

В алькове расположилась широкая кровать с балдахином в восточном стиле; пол устилал огромный толстый персидский ковер; в одном углу стояла большая печь с голландскими сине-белыми изразцами; в другом – книжный шкаф, в котором находилось довольно много книг, и изящный секретер черного дерева с письменными принадлежностями и множеством выдвижных ящичков, украшенный затейливой резьбой.

Когда Аня разделась и залезла в ванну, Ольга пришла забрать ее одежду. Она подняла вопросительно одну бровь, обнаружив в ворохе тонкий стилет в ножнах.

– Зачем нож, Катя?

– Взяла на всякий случай.

– Почему не защищалась, когда плохие люди тебя били?

– Я не смогла, – призналась Аня. – Это тяжело – кого-то ударить ножом.

– Глупо, – Ольга положила стилет на стул, – глупо, девочка. Зачем брать, если боишься ударить?

Анину одежду Ольга унесла, обещав, что ее постирают

и высушат очень быстро.

– Я принесу тебе женское платье тоже, Катя, – сказала она. – Наденешь пока.

Аня подумала, что едва ли что-то из Ольгиной одежды ей подойдет; Ольга была полная, хотя ростом примерно с Аню.

Ее спасительница словно поняла эти мысли и улыбнулась:

– Здесь много разной одежды. Мы найдем твой размер.

...Аня отложила пустой стакан, откинула голову на край ванны и замерла. То, что она должна как можно скорее вернуться в дом Льветарисны, что ее могут хватиться в любой момент, отступило куда-то на задний план сознания.

Она закрыла глаза – и увидела вновь особняк Раднецкого. Именно таким она себе и представляла это здание. В классическом стиле, из серого камня. От него веяло могильным холодом – так же, как наверняка веяло и от его владельца.

Интересно, как выглядит он сам, этот граф Раднецкий? Аня представляла его высоким, костлявым, с длинными усами, крючковатым носом и узкими, как щель, губами. И холодными стальными глазами – глазами убийцы...

Вдруг Аня услышала над головой необычный шум. Она и до этого слышала какие-то звуки из-за стены, напоминавшие стоны, а теперь сверху послышались женский визг, затем мужской раскатистый смех и звон разбитого стекла.

В этот момент вошла Ольга. В руках у нее были белье и платье.

– Вот, – она положила одежду на стул рядом с ванной. –

Тебе. Помойся. Потом полотенце. Потом Гуго. Он ждет. Отвезет, куда скажешь.

– Ольга, у тебя очень шумные соседи, – сказала Аня.

– Это не соседи, – улыбнулась Ольга, – это мои девушки.

– Твои девочки... дочери? – не поняла Аня.

– Нет. Мои девушки. И гости.

Аня уставилась на нее во все глаза. Она вдруг поняла – и ее будто окатило ушатом ледяной воды.

– Так это... твой дом – это... – она не могла выговорить роковое слово.

– Дом терпимости, – кивнула спокойно Ольга. – Я – хозяйка. У меня хороший дом. Чистые девушки. Документы, проверки, все в порядке.

Аня сжалась в ванне. Так вот что означала эта поговорка – «грязь к грязи не липнет!» Ольга – хозяйка борделя!! И она, Анна Березина – в борделе!!

– Не бойся, – сказала Ольга. – Что теперь бояться? Ты уже здесь. Ты уйдешь, когда захочешь. Ты здесь не останешься. Ты хорошей семьи. Никто не узнает, что ты здесь была. Я никому не скажу. Обещаю.

Аня недоверчиво смотрела на нее. Она что-то слышала, хоть и смутно, о несчастных девушках, которых обманом завлекают в подобные места.

Она вдруг кинула испуганный взгляд на пустой стакан. Глинтвейн!.. Может, туда что-то подмешано?.. И она не сможет даже закричать, не то, что сопротивляться, если сюда

войдут и захотят сделать с ней что-нибудь страшное...

– Не бойся, Катя, – повторила Ольга, – тебя никто не обидит.

– Я не боюсь, – гордо вскинула подбородок Аня. – Я смогу за себя постоять.

– Хорошо, – улыбнулась Ольга. – Ты храбрая девушка. У тебя, наверное, был кто-нибудь? Ты не юная.

– Конечно, был, – не совсем понимая, что имеет в виду Ольга, ответила Аня, думая об Андрее.

– Тогда зачем страх? И я не такая, как другие хозяйки. Я не заманю... так говорю? девушек сюда. Они приходят сами. Добровольно. Я не вру. Гуго ждет тебя. Ты поедешь домой. Больше здесь не будешь. Никто не узнает.

И она вновь ушла. Аня неожиданно успокоилась. Вряд ли Ольге она так уж нужна, наверняка у хозяйки такого красивого дома и девушки все очень красивые. И, в конце концов, она, действительно, все равно уже здесь, и с этим ничего не поделаешь.

На нее снизошло умиротворение, а, может, горячая ванна и глинтвейн сделали свое дело. И она сама не заметила, как погрузилась в сон...

– Сергей? Не ждала! Ты здесь давно?

Эти слова разбудили Аню. Она села, вертя головой, не сразу поняв, где находится. Вода остыла; похоже, девушка спала довольно долго.

– Уже полчаса, – ответил низкий мужской голос. Мужчина! Аня вздрогнула. Откуда он тут взялся? И почему она не слышала, как он пришел?.. – Что это у тебя?

– Это... вещи. Стирка.

– Мужские вещи? – в голосе прозвучал интерес.

– Один клиент запачкал, – небрежно ответила Ольга. – Велел стирать.

– И ты сама стираешь? А слуги на что?

– Сама. Клиент важный. Очень важный. – Она засмеялась: – Ну, не хмурься! Не мой клиент. Ты как вошел? Гуго пустил?

– Нет. Ты забыла: ты сама дала мне ключ от своей квартиры в прошлый раз.

– А, да. Это твоя одежда здесь? Ты странно одетый.

– Пришлось. Моя жена недовольна. Она узнала о моих посещениях твоего заведения.

– Плохо. А что ты делал, пока я не была здесь?

– Читал.

– Хорошо. Подожди. Сейчас положу это в другой комнате. И вернусь.

Портьеры раздвинулись, Ольга вошла в будуар. Аня испуганно смотрела на нее.

Ольга положила на стул Анин наряд. Потом наклонилась и прошептала ей в ухо:

– Плохо. Пришел мой знакомый. – Она потрогала кончиком пальцев воду, поморщилась. – Холодная. Вылезай тихо.

Вот полотенце. Вытерись. Одевайся. И здесь сядь. Не шуми. Я постараюсь, что он уйдет быстро.

Аня послушно кивнула, растираясь большим мягким полотенцем. Ольга вышла, плотно задернув за собою портьеры.

– Не ждала тебя, – повторила она.

– Я не вовремя? Ты недовольна моим приходом?

– Могу быть недовольна я? Так говорю?

– Нет, не совсем так. Правильно будет: «разве могу я быть недовольна»? Или: «могу ли я быть недовольна»?

– О. Русский язык тяжелый. «Могу-ли-я...» Зачем это «ли»? Ли – это китайское имя. Ваш император должен запретить эти китайские «ли». И они сложные. Я не знаю, где ставить их.

Он рассмеялся. Послышался звук шагов и шелест платья. Аня решила, что он подошел к Ольге и обнял ее.

– Сергей, сегодня нет, – услышала Аня ее извиняющийся голос. – У меня был тяжелый день. Устала.

– Странно. Ты никогда не устаешь.

– Сегодня устала, – повторила Ольга. – И дела. Много дел.

Аня торопливо одевалась, стараясь не производить ни малейшего шума.

– Я ненадолго. И я пришел не за этим. Просто поговорить.

– Поговорить – это хорошо. Вина хочешь?

– Лучше бы водки, – как будто усмехнулся мужчина.

– Будет водка. Сейчас...

– Не надо.

– Что-то случилось? – Судя по шуршанию платья, Ольга села на стул. – Ты грустный.

– Я видел вчера нехороший сон. Кошмар.

– Так. Я слушаю.

Наступило довольно продолжительное молчание, затем мужчина спросил:

– Помнишь, однажды я жутко напился и признался тебе, как поступил с женой... в ту ночь?

– Помню. – В Ольгином голосе прозвучало напряжение. Аня подумала, что ей, должно быть, страшно неловко, что в соседней комнате посторонний человек, который все это слышит.

– Так вот: в этом кошмаре я снова бил ее. Она упала... и я услышал, как и тогда, ее крик: «Не бей меня! У меня будет ребенок!»

Аня прижала руки к груди. И этот человек так спокойно рассказывает, как избивал свою беременную жену?? Ей захотелось увидеть этого жестокого человека. Она на цыпочках подкралась к портьерам и чуть-чуть отодвинула одну.

Хозяйка борделя сидела лицом к Ане. Знакомый Ольги стоял спиной. Он был росл, строен и широкоплеч; на нем были рубашка и рейтузы, заправленные в высокие сапоги.

– Сергей, тебе тяжело говорить. Другой раз, хорошо? – сказала Ольга. – Придешь и расскажешь.

– Нет, сейчас! Это еще далеко не все. Во сне я ударил жену еще и ногой. В живот. Ее тело изогнулось, живот вдруг вырос

на моих глазах... и она начала рожать. Она дико кричала. Я стоял над ней, я не мог ей помочь. Я ждал, когда она родит нашего сына. Когда появится его головка. И вдруг из ее лона показалось нечто темное и прямоугольное... И она родила... гробик. Детский гробик. Черный. Это было ужасно!.. – Голос его сорвался.

– Сергей, – ласково сказала Ольга. – Иди ко мне. Так. Сядь. Это был кошмар. Забудь его.

Мужчина подошел к Ольге и сел у ее ног. Теперь Аня могла разглядеть его лицо. Она вдруг задрожала... и отпрянула, задернув портьеру. Она узнала его! Это был тот самый Сергей! Тот, который вышел вместе с Глебом Игнатовичем из особняка Раднецкого! И которого она ударила ногой по колену, когда убегала.

– Нет, не могу, – говорил между тем Сергей. – Целый день этот гробик стоит у меня перед глазами. Коля... вдруг с ним что-то случилось? Он так далеко. Он такой маленький и слабый!

– Нет. Ничто не случилось. Коля живой. Здоровый. Не думай плохо, Сергей. – Аня услышал звук поцелуя. – Дорогой, гроб – не плохо. Гроб – хорошо.

– Неужели? Может, это даже к счастью? – с печальной иронией произнес Сергей.

– Не к счастью, но не плохо. Я знаю. В соннике видела.

– Врешь. Ничего ты не видела. Просто хочешь меня утешить. Но это не нужно. Я рассказал тебе – и мне стало легче.

Спасибо.

– Сергей, то просто сон. Из головы выкидай.

Он засмеялся:

– Не выкидай. Выкини.

– Хорошо, выкини.

– Ты мне нужна, Ольга. Сейчас, – вдруг произнес он странным голосом.

– Сергей... – Вновь послышался звук поцелуев, затем короткий сдавленный Ольгин стон и шорох. Ольга пыталась протестовать, но слабо; потом Аня услышала ее стон вновь.

Она опять чуть отодвинула портьеру и посмотрела в щелку. Они лежали прямо на ковре головами к печи. Хозяйка борделя была снизу, Аня видела ее обнаженные белые ноги, раздвинутые и полусогнутые. Они смешно вздрагивали. Сергей, опираясь на руки, навис над Ольгой, Ане была видна его широкая спина, чуть приспущенные рейтузы и длинные ноги. Он делал бедрами ритмичные выпады вперед-назад, в такт которым и дрожали Ольгины ноги.

Ольга опять начала стонать; он же молчал, и слышно было только его быстрое хриплое дыхание.

Аня отпрянула снова, чувствуя, как и ее охватывает странная дрожь. В этой непонятной для нее сцене было что-то смешное... и, в то же время, волнующее. Она вдруг вспомнила, как однажды, лет в шестнадцать, позволила Андрею пробраться к ней ночью в спальню. Он тогда уезжал в Петербург, в свой полк, уезжал надолго... Она очень хорошо пом-

нила, как он стянул вниз до пояса ее ночную рубашку и начал ласкать и целовать ее грудь.

Он так же быстро и хрипло задышал тогда, облизывая ее соски, а ей было сначала смешно и щекотно... но затем она ощутила волнение, нараставшее по мере того, как Андрей, его руки, язык и губы становились все более дерзкими и смелыми... А потом Аня и Андрей услышали стук в дверь и голос Алины, которой не спалось, – и Андрей выскочил в окно...

Позднее Аня жалела, что не позволила ему большего, – в нескольких прочитанных ею романах девушки позволяли своим возлюбленным это неведомое «большее». Это лишало их чести, и в результате они или кончали с собой, или рожали ребенка. Но Аню не страшила ни та, ни другая участь. Зато она сделала бы Андрея счастливым. И, возможно, не потеряла бы навсегда...

Она торопливо надела не совсем еще сухой тулупчик, натянула на голову ушанку. Пока они занимаются *этим*, ей надо уйти. Если Сергей обнаружит ее здесь, – ей несдобровать. А она и так слишком много увидела и услышала.

Она осторожно высунула голову из-за портьеры. Они были все в тех же позах, Ольга теперь уже вскрикивала, а не стонала, а он дышал так, будто ему не хватало воздуха.

Аня выскользнула из будуара и на цыпочках, радуясь толстому ковру под ногами, пошла к двери. Ключ торчал в замке; дай Бог, он повернется бесшумно!

Вот она и у двери. Аня прикусила нижнюю губу и решительно повернула ключ. Раздался противный, показавшийся ей оглушающим, скрежет. Она попробовала толкнуть дверь, но та не открывалась. Аня оглянулась в панике... И увидела, что голова Сергея медленно повернулась.

Аня встретилась с ним взглядом, одновременно продолжая орудовать злополучным ключом. Его черные глаза расширились. На мокром, будто он долго бежал по жаре, лице отразились попеременно изумление, узнавание и ярость. Он вскрикнул что-то бессвязное... В то же мгновение дверь, наконец, поддалась, и Аня, распахнув ее настежь, выскочила из комнаты и вприпрыжку понеслась вниз по лестнице... В третий раз за этот несчастный вечер она бежала так, будто от этого зависела ее жизнь.

«Мой любимый Андрей! Ты не представляешь, где я вчера побывала. Тебе я могу сказать все, и скажу: я была в настоящем борделе. И даже познакомилась с его хозяйкой. Ее зовут Ольга. Она оказалась вовсе не ужасной, вульгарной и размалеванной, как можно было ожидать; наоборот, она красива, одевается со вкусом, и у нее доброе сердце. Она спасла меня от двух злодеев.

А все потому, что мне захотелось найти дом Р. Я его нашла, но и там вышло приключение: меня едва не схватили люди Р., слава Богу, я вырвалась от них и убежала.

А потом, Андрей, я встретила одного из этих людей в бор-

деле Ольги. Он рассказал ей, что избивал свою беременную жену. Какой ужас! Ни один человек из тех, которых я знаю... да что я говорю – самый последний из крестьян в нашей деревне не поступает так! А этот человек, хоть и одет как приказчик и говорит правильно, по-городскому, бьет жену, и даже не стыдится в этом признаться!

Я уже сказала, что у Ольги доброе сердце, и этого негодяя по имени Сергей она тоже пожалела. Я видела между ними странную сцену. Кажется, это и есть то, что в романах называют «позволить ему слишком много».

Я вспомнила нашу июньскую белую ночь в Шмахтинке, и тебя, сидящего на моей постели... Милый мой, если б мы могли вернуться туда! Я отослала бы Алину и не дала тебе уйти. Я знаю, тебе не хотелось тогда уходить. Ты хотел увидеть меня всю, хотел целовать всюду. Ты шептал об этом. А я боялась. Я была слишком юная. Теперь я бы не испугалась. Но теперь поздно... слишком поздно.

Но об этом Сергее. Он увидел меня, когда я хотела уйти, и узнал. Я так бежала оттуда! Хорошо, что внизу меня ждал Гуго с возком. Я прыгнула в сани, и Гуго отвез меня на Большую Морскую. Правда, я велела ему остановиться в начале улицы, посмотрела, как он уехал, и уже тогда побежала домой.

Меня никто не видел; маменька с Алиной и Льветарисна еще не вернулись. Катя перекрестилась множество раз, впус- тив меня; ведь я ей сказала, что ухожу на полчаса, а меня

не было целых три часа.

Я не могу не думать об Ольге. Что сделает ей этот Сергей? Он наверняка придет в бешенство. Вдруг он изобьет бедняжку из-за меня? Если б я могла, непременно сходила бы к ней и узнала, как она...

Через несколько дней бал в Зимнем; возможно, на нем я встречу Р., поскольку там ожидается его величество. Я должна увидеть Р. – и понять, раскаивается ли он в том, что сделал с тобою.

Если нет... Тогда я буду знать, как поступить!

Твоя навек, Annette».

6.

Раднецкий стоял у окна и смотрел в образовавшуюся на стекле от его дыхания дырочку на тонкую иглу Петропавловки, серебристо мерцавшую в свете луны. Вечер был холодным и синим: синей была застывшая под толщей льда Нева, испещренная фиолетовыми линиями дорожек; серебристо-серыми были набережные; дымчато-голубою на фоне сиреневого неба стали очертания Петропавловской крепости.

– Ваше высокоблагородие, – услышал Сергей позади себя, и, обернувшись, увидел одного из помощников распорядителя бала. – Будут ли еще какие-нибудь приказания?

– Нет, можете быть свободны, – сказал Раднецкий, окидывая взглядом залу. Как флигель-адъютант его величества, он

прибыл в Зимний заранее, чтобы присутствовать при приготовлениях к торжеству, на котором должен был присутствовать государь, и проследить за всеми мерами безопасности.

Он медленно прошелся по зале. Все было готово к началу бала; наверху, на балконе, уже сидели, настраивая инструменты, музыканты; начищенный пол, выложенный мозаикой с греческим орнаментом, блестел, и в нем отражались огни сотен свечей хрустальных с позолотой люстр. Из соседнего зала доносился звон расставляемой посуды, – там будут подавать гостям ужин. В комнатах для игр разложены были карточные столы; готовы были курительная, и бильярдная. Они ждали тех, кто не собирался танцевать.

Раднецкий еще раз обошел все. Ему кланялись, при его появлении тотчас начинали работать с еще большим усердием, – потому что его озабоченный и суровый вид наводил на мысль, что что-то не в порядке.

На самом же деле мысли графа были далеки от приготовлений к балу. Он думал о Коле. Сегодня утром Ирэн опять закатила ему безобразную сцену. Она напоминала ему в такие моменты суку, которую злой хозяин бьет, но которая продолжает ластиться к нему... Хотя иногда может и уку-ситься.

Вот и на этот раз она предстала сначала ревнивой фурией, затем начала умолять и упрашивать. Но этим дело в этот раз не кончилось; Ирэн укусила его, и больно. Она посмела ему угрожать, – тем, что тоже входило в договор, заключенный

между ними. Самой важной частью этого договора – тайной, известной лишь им двоим.

Раднецкий едва удержался, чтобы не ударить жену. К счастью для нее, вошла горничная с сообщением, что приехала портниха. Иначе красавица-Ирэн вполне могла появиться на балу в Эрмитаже с синяком под глазом.

Граф шел по залам и, глядя на него – уверенного, спокойного, властного, – никто бы не подумал, какая буря бушует в его груди. Угрожать ему раскрытием их общей тайны – это был верх низости со стороны Ирэн. Раднецкий был взбешен, он был вне себя от ярости и негодования. Неужели в жене нет никаких материнских чувств к Коле, неужели она не понимает, что ставит под удар его жизнь?.. Он вспомнил, как видел Колю в последний раз, – такого маленького, хрупкого, такого ранимого, – и остановился, скрежеща зубами.

Если только она посмеет сказать императору... Он за себя не ручается. Он свернет ей голову!

Он заложил руки за спину, скрестил пальцы рук, сжал так, что суставы хрустнули. Спокойствие. Никаких эмоций. Ты не дома, на тебя все смотрят.

Он зашагал дальше. Теперь он думал об Ольге и о том шпионе. Все это время последний не выходил у Раднецкого из головы.

Ольга рассказала ему, как встретилась с этим мальчишкой, который оказался вовсе не мальчишкой, а девушкой по имени Катя, и как получилось так, что эта Катя очутилась

в ее квартире.

Сергей никогда не верил в совпадения. То, что шпионивший у его особняка паренек вдруг появился в доме Ольги, на первый взгляд, никак не могло быть простой случайностью. У Раднецкого было достаточно врагов, и вполне могло стать, что кто-то подослал к нему соглядатая, – он являлся, как все знали, любимцем государя (при мысли об этом Раднецкий нехорошо усмехнулся), – а этого одного было достаточно, чтобы у него возникло множество недоброжелателей и завистников; к тому же, за последние несколько лет на дуэлях он убил одного человека и ранил двоих. И их родные, естественно, могли мечтать о мести.

Поэтому сбивчивый рассказ Ольги поначалу показался разъяренному Раднецкому просто бредом. Однако, немного успокоившись, он все же, хоть и не до самого конца, поверил ей. Во-первых, он знал ее несколько лет, и прежде она никогда не лгала ему, – во всяком случае, в серьезных вещах. Во-вторых, Сергей поговорил и с Гуго, и тот подтвердил каждое слово своей хозяйки. В-третьих, если эта Катя была у Шталь шпионкой, – как могла она не знать, где живет Раднецкий, и спрашивать, в Петербурге ли он, если Ольга-то прекрасно знала, что он в столице!

Сергей каждый день ломал голову, кто была эта Катя, и почему она интересовалась им. Ольга сказала, что девушка показалась ей «хорошей семьи». Раднецкому в это мало верилось; он все время вспоминал ее раскосые глаза и ощерен-

ный рот. Да и боль в ноге не проходила несколько дней; разве девушка из приличного дома будет лягаться, как необъезженная лошадь?..

Между тем, первые гости начали появляться. Они оставались в дверях, с восторгом рассматривая залу. Белая с золотом, она буквально слепила глаза. Малиновыми были лишь диванчики и стулья, стоявшие в простенках между окнами и распахнутыми дверями в соседнюю залу, и портьеры, собранные в красивые фестоны.

Помимо огромных люстр, зала освещалась великолепными напольными светильниками, стоявшими вдоль окон: на округлых яшмовых и сердоликовых основаниях стояли фигурки из черного агата и держали в руках канделябры с зажженными свечами.

В этот вечер сама природа помогла украсить залу; с позавчерашнего дня грянул холод, и все выходившие на Неву окна покрылись морозными узорами.

Входившие гости были все румяны и оживленны; Раднецкий мельком увидел в одном из зеркал свое лицо, – бледное, злое, с крепко сжатыми губами и глубокой складкой между бровей, – и контраст неприятно поразил его. Ему следует держать свои чувства под большим контролем. Скоро появится император; и Ирэн должна, естественно, быть здесь. Ни они, и никто здесь не должен догадаться о том, что он испытывает.

Он постарался придать себе полностью уверенный и дело-

вой вид, – самый подходящий для его звания, – и направился в последний раз в обход порученной ему территории...

Марья Андреевна Березина, Алина, Аня и генеральша вступили в залу, когда приглашенных уже было видимо-невидимо. Алина, как ни храбрилась всю дорогу, явно растерялась при виде столь ослепительного зрелища и стольких лиц, и даже схватила мать за руку. В этот момент она менее всего напоминала светскую холодную красавицу, какой хотела казаться, и стала просто ошеломленным испуганным ребенком.

Накануне она с Льветарисной и матерью уже была в Зимнем на представлении императрице, но то было совсем другое, и при виде всей этой пышности, сверкания и многолюдности Алина вначале потеряла голову.

Аня прекрасно понимала чувства младшей сестры; она вспомнила свой первый бал, восемь лет назад. Тогда ей было семнадцать. Ее привезли в Москву на бал невест. Сколько же там было красивых, элегантных, утонченных девушек! Аня была среди них как белая ворона, со своей смуглой кожей, странными глазами и диковатой манерой держаться.

Конечно, жениха она не приобрела, как ни старалась Марья Андреевна ее «пристроить». Аня танцевала на том своем первом балу всего два танца: и то с офицерами, которых, как известно, командиры специально заставляют приглашать «простаивающих» дам.

Но Аня была рада своему неуспеху. Ей нужен был только Андрей.

Однако между ними ничего не могло быть, их любовь была обречена с самого начала...

Она глубоко вздохнула, пытаясь отвлечься от ненужных мыслей. Сейчас ей надо сосредоточиться на том, чтобы увидеть, наконец, Раднецкого. Ей все равно, что она весь вечер просидит в углу с веером и ридикюльчиком Алины, как простая компаньонка. Все равно, что ее никто не пригласит танцевать, – пусть этого боится в глубине души младшая семнадцатилетняя сестра. А ей, Анне Березиной, уже двадцать четыре, и ей не до танцев. Ей нужен Раднецкий!

– Идемте, дорогие мои, – прогудела Льветарисна и, как флагманский корабль, поплыла через толпу, уверенно ведя за собою в кильватере родственниц и то и дело с кем-нибудь раскланиваясь и приветствуя.

Аня видела, что Алина уже пришла в себя. Теперь щеки ее пылали уже не от мороза; глаза сверкали, ноздри подрагивали. Она напоминала молодую неопытную собаку, впервые взятую хозяином на охоту. Аня пожелала про себя, чтобы у Алины было как можно больше партнеров по танцам: тогда, во-первых, она не будет ныть и жаловаться; и, во-вторых, внимание маменьки будет отвлечено на веселящуюся дочь. И Аня будет предоставлена самой себе, если, конечно, сердобольная Льветарисна не приглядит ей какого-нибудь кавалера на вечер.

Они расположились соответственно «табели о рангах», чтобы приветствовать его величество. Вскоре появился император, которого Аня видела на одном из приемов лет семь назад; он показался ей сильно постаревшим и усталым, хотя и улыбался. Держался он, как всегда, просто и непринужденно, и сразу же велел распорядителю начинать.

Середина залы опустела; музыканты грянули полонез, которым всегда открывались большие Эрмитажные балы. Государь пригласил супругу английского посланника. Пар в полонезе было немного; император не слишком любил танцевать, и полонез был всего лишь данью традиции, поэтому закончился быстро.

Однако Алина явно ожидала, что ее пригласят уже на первый танец. Поэтому ее отчаяние было безгранично; ей казалось, что вечер уже обречен, и что в ее прелестном новеньком карне* в переплете из слоновой кости и серебра не появится ни одной записи.

Она стала пунцовой, затем начала всхлипывать и, наконец, ближе к концу полонеза разрыдалась. Марья Андреевна и Льветарисна пытались ее утешить, но вышло даже хуже.

Так, Льветарисна неловко сказала своей юной протезе:

– Ну, перестань, милая. Князь и барон обещали быть здесь. Они непременно с тобой потанцуют.

Алина зарыдала еще пуще, и Аня поняла, почему: унизительно сознавать, что твои кавалеры обязаны танцевать с тобой.

Тогда Аня встала так, чтобы загородить сестру ото всех, стала обмахивать ее веером и сказала ей:

– Алина, дорогая, бал только начался. Смотри, у тебя уже красный нос и глаза опухли. Ты должна немедленно прекратить, иначе станешь совсем дурнушкой. И запомни: будут у тебя нынче кавалеры или нет, нужно быть веселой и улыбаться. Я понимаю, что это очень тяжело, если сердце обливается кровью; но скажи, кто захочет танцевать с девушкой, если у нее унылое лицо и заплаканные глаза? Вот ты: ты же не хотела бы иметь такого грустного кавалера? Ни один мужчина к тебе не подойдет, если ты немедля не возьмешь себя в руки. Вон смотри, неподалеку стоит дама в алом. Видишь? Она такая красавица! Ее тоже не пригласили; но она и виду не подает, что ей это неприятно. Она так безмятежна, как будто ее карне уже весь расписан.

Льветарисна посмотрела туда, куда указывала Алине Аня, и произнесла довольно громко:

– Это графиня Ирэн Раднецкая. Очень хороша, не правда ли?

Аня тотчас забыла об Алине и довольно бестактно установилась на даму в алом. *Его* жена! Тут, совсем близко! Возможно, *он* и сам рядом... Она обвела глазами стоявших подле графини, но похожих на Раднецкого не увидела.

Она очень хорошо помнила тот разговор между отцом и дядей Мишелем, братом отца, что состоялся пять лет назад, и часть которого она, Аня, подслушала. Дядя сказал, что

Раднецкий – флигель-адъютант императора. Значит, на этом балу он, скорее всего, должен быть в форме...

– Я, со своей стороны, способствовала ее браку с Сержем, – продолжала Льветарисна, – хотя того хотел и сам государь. Прекрасная пара; вот только их сынок, к сожалению, нездоров. Петербург ему с рождения противопоказан, и его, еще совсем крошкой, отправили в Крым.

Графиня Раднецкая, кажется, услышала последние слова Льветарисны; тень неудовольствия пробежала по ее прекрасному лицу, и она быстро отвернулась.

– Бедняжка! – нисколько не убавив громкость голоса, сказала Льветарисна. – Она так переживает за Коленьку. Он болен грудкой. И, говорят, надежды на выздоровление мало.

Что-то эти последние слова Льветарисны напомнили Ане. «Коля... он так далеко... такой маленький и слабый...» Да; это она слышала из уст Сергея в квартире Ольги.

Марья Андреевна заметила вполголоса, что графиня и впрямь очень хороша, затем со вздохом сказала, что понимает чувства графини: ведь она и сама потеряла сына. Аня посмотрела на маменьку и подумала, что той по-прежнему ничего не известно о Раднецком, иначе фамилия графини произвела бы на нее совсем иное впечатление...

– Ее муж, верно, тоже здесь, – сказала Льветарисна. – Я непременно вас с ним познакомлю. Правда, он давно не любитель балов; уж и не помню, когда я видела его в последний раз танцующим.

«Выходит, и тетя ничего не знает о Раднецком и Андрее!» Аня затрепетала, сердце забилося судорожными толчками. Одно дело – просто увидеть *его* и узнать, каков он собою; и совсем другое – быть ему представленною... и сдержаться, не выплеснуть ему в лицо все, что думаешь о нем.

Между тем, старания старшей сестры имели успех: Алина прекратила плакать, вытерла слезы и постаралась принять должный вид. И вовремя: к ней тут же подошел весьма представительный мужчина, оказавшийся полковником К., и пригласил на экосез. Алина, с важным видом перевернув несколько страниц в своем карне и делая вид, будто проглядывает расписанные танцы, хотя вся книжечка была девственно чиста, – о, эти невинные уловки юных дев! – ответила, наконец, полковнику согласием и сделала пометку серебряным карандашиком.

– Как я выгляжу? – когда приглашавший отошел, спросила у Ани Алина довольно бодрым голосом.

– Очень хорошо, – заверила Аня, изо всех сил старавшаяся успокоиться и не выдать своего волнения при мысли о знакомстве с Раднецким.

– У меня, верно, нос красный? И блестит? Припудри-ка мне его. – Алина достала пудреницу из ридикюльчика, и Аня, повернувшись к ней, провела пуховкой по носику сестры.

– Елизавета Борисовна, добрый вечер, – услышала она вдруг позади странно знакомый низкий голос. – Не откажи-

те в любезности, представьте меня, пожалуйста, своим спутницам.

– Серж! Рада видеть тебя, – пророкотала Льветарисна.

Аня обернулась... и застыла, онемев. Перед нею стоял ни кто иной, как Сергей. Тот приказчик, которого она ударила по ноге у особняка Раднецкого... кто был в квартире Ольги, – и от которого она бежала оттуда сломя голову.

*КАРНЕ ДЕ БАЛЬ, КАРНЕ (carnet de bal) – книжка для записи партнеров на балу и т. п. примечаниями.

7.

Ослепительно-белый, безукоризненно сидящий мундир, алый воротник с серебряным шитьем, эполеты, серебристый витой аксельбант... Видеть надо всем этим блестящим великолепием голову приказчика Сергея было настолько странно, что Аня даже дышать перестала.

К действительности девушку вернуло имя, произнесенное Льветарисной:

– Мой двоюродный племянник по мужу, граф Раднецкий Сергей Александрович.

У Ани все поплыло перед глазами. Зала покачнулась и едва не рухнула ей на голову. Сергей и Раднецкий – одно лицо?! Немыслимо!

Как из тумана, доносился до нее голос Льветарисны, представлявший маменьку, ее и Алину:

– Марья Андреевна Березина, вторая жена зятя моего, надворного советника в отставке Ильи Иваныча Березина, и его дочери – Анна Ильинична и Александра Ильинична.

Аня, наконец, начала приходить в себя. Она заметила, что граф не смотрит на нее; во всяком случае, глазами она с ним не встречалась. Похоже, он смотрел на Алину.

Она поспешно опустила ресницы, решив глядеть только в пол, и отступила едва ли не вся за широкую спину Льветарисны. Пусть он думает, что она просто провинциальная дуручка, не умеющая себя держать. Но уж лучше показаться дурой, чем оказаться узнанной им...

– Я очень рада знакомству с вами, граф, – церемонно сказала Марья Андреевна, протягивая Раднецкому руку.

Он почтительно поцеловал ее, а Аня, хоть и не любила ее, почувствовала острый укол жалости. Ибо лишь она осознавала трагизм сцены: мать протягивает руку тому, кто лишил ее сына... Впрочем, граф тоже, кажется, не знал, чью руку целует. Но это Аню не удивило: Андрей носил отцовскую фамилию – Столбов; и, если Раднецкий и помнил еще, через пять лет, это имя, он едва ли мог связать его с Березиными.

Что касается Льветарисны, то Аня помнила: когда случилось несчастье с Андреем, тети не было в Петербурге и вообще в России: она тогда, как делала ежегодно, на несколько месяцев уехала в Баден, на воды. Скорее всего, она тоже не знала, какую роль сыграл во всей этой трагической истории ее племянник...

– Могу ли я пригласить на первый тур вальса вашу дочь, мадам? – спросил Раднецкий.

– О, да, ваше сиятельство, – быстро ответила Марья Андреевна и, прежде чем он продолжил, обернулась к дочери: – Алина, ведь вальс у тебя еще не занят?

Аня вздохнула с облегчением. Нет, он не узнал ее, это очевидно!

Слегка скосив глаза, она увидела, как вспыхнули у младшей сестры мочки уха от удовольствия и предвкушения.

– Нет, тапан, он свободен, – сказала Алина, даже позабыв о своей книжечке.

– Простите, мадам, но я бы хотел пригласить не Александру Ильиничну, а Екатерину Ильиничну, – произнес вдруг Раднецкий.

У Алины шея пошла пятнами. А Анино сердце ухнуло куда-то в живот, как при качании на качелях, когда они летят вниз. Намек графа был слишком очевиден, хотя Раднецкий никак не подчеркнул голосом имя «Екатерина».

– Серж, ты ошибся: старшую дочь Ильи Иваныча зовут не Катя, а Аня, – рассмеялась промаху племянника Льветарисна.

– Извините меня, мадам. Да, я бы хотел пригласить Анну Ильиничну. Мадемуазель, вы не откажетесь от тура вальса со мною?

Аня, наконец, осмелилась поднять на него глаза. Он смотрел прямо на нее, серьезно и строго, – ни насмешки, ни зло-

сти, ничего, что могло сказать ей: он ее узнал. В его обращении к ней и приглашении было всё комильфо*.

– Я... я... Да, граф, вы очень любезны, – пролепетала она. Он поклонился и отошел. Она же стояла, чувствуя себя полной идиоткой. Но постепенно душа ее наполнялась гневом – неудержимым, неистовым. Аня не замечала ни завистливых взглядов сестры, ни неприятного изумления на лице Марьи Андреевны, ни нескрываемой радости Льветарисны.

Ей, Анне Березиной, танцевать с тем, кто навек разлучил ее с Андреем!! Как, как могла она принять это мерзкое приглашение? Не найти способа отказать, позволить Раднецкому прикоснуться к себе, – более того, обнять!!

Ведь мало того, что он был виноват в том, что Аня больше никогда не увидит любимого. Но он был еще и грязным негодяем. Да, да, грязным! Ибо на его белоснежных перчатках была кровь жены, которую он избивал; а на его ослепительном мундире была не только кровь Андрея, – но и грязь борделя, в котором Аня видела его лежащим на Ольге...

Алина, между тем, была нарасхват: к ней подходили и подходили, ее карне на глазах заполнялся названиями танцев и фамилиями. Она была бы на седьмом небе, если бы не приглашение, сделанное ее старшей сестре; то была ложка дегтя в бочке меда Алины, ибо граф Раднецкий был, без сомнения, одним из самых блестящих мужчин на этом балу.

Вид у Ани был подавленный, но это нисколько не могло обмануть Алину: она была уверена, что старшая сестра про-

сто притворяется перед нею и маменькой.

– Не стоит лицемерить, Анечка, – прошипела она, – и делать вид, будто тебе вовсе не хочется танцевать с Раднецким.

– Я вовсе не делаю вид. Я, в самом деле, не хочу танцевать с этим человеком.

– Да неужели? – хмыкнула Алина. – Что ж, если то, что ты говоришь, – правда, то ты не женщина. Уверена, каждая здесь была бы счастлива оказаться на твоём месте.

– Значит, ни одной умной женщины, кроме меня, здесь нет, – отрезала Аня, невольно кинув взгляд на Раднецкого, который стоял неподалеку. Внешне он был, тут она не могла признать этого, привлекательным мужчиной. Высокий, очень стройный. Глаза темно-карие, – даже, пожалуй, не карие, а черные, – взор надменный. Волосы, тоже черные, густые и с легкой волнистостью: красиво выются вокруг бледного чела, – так бы, наверное, написал поэт...

В этот момент к Раднецкому сзади подошла жена. Она взяла его под руку и что-то ему сказала, мягко улыбаясь и доверчиво наклонив к нему голову. Аня заметила, как лицо его передернулось мгновенной судорогой. Он сжал зубы так, что на скулах четко обозначились желваки. Ей показалось даже, что он едва не отбросил руку Ирины.

«Он ненавидит ее. За что? Она так прекрасна. Бедняжка! Каково это – жить с таким мерзавцем? Выносить его издевательства. Терпеть его побои. Наверное, она с радостью бы бросила здесь все и уехала к сыну в Крым, но этот деспот ее

не пускает», – подумала она с жалостью и гневом.

На самом же деле Ирэн тихо говорила мужу:

– Неужели правда то, что я слышала, Серж? Это воистину событие для всех присутствующих.

– Что же это за событие? – холодно осведомился он.

– Сенсация! Вы, наконец, танцуете! После стольких лет!

– Быстро же разносятся новости.

– Моя подруга княгиня Лиговская слыхала, как вы пригласили одну из девиц Березиных. Ту, что в белом, не правда ли? Она очень недурна.

– Вы ошибаетесь, мадам. Я пригласил ее старшую сестру.

– Вот как? – Ирэн слегка прищурилась, разглядывая Аню. – Вон та, маленькая и щуплая? Какие у нее странные глаза. Право, Серж, как же изменился ваш вкус, что вам стали нравиться женщины с подобной внешностью!

– Может, потому, что, когда наешься сладкого, хочется соленого? – приподняв бровь, насмешливо спросил Сергей.

– Но разве вы ели? Вы лишь смотрели... и еще даже не попробовали этого сладкого, – прошептала она со значением, сжав его локоть.

– Его отведали до меня столько раз, что раз и навсегда отбили у меня аппетит, – резко ответил он, все же не выдержав и высвободив руку. Ирэн повернулась к нему спиной и отошла, прикрывая искаженное злобой лицо веером.

Он даже не посмотрел в ее сторону. Боже, неужели было время, когда все, что она делала: каждое движение, каж-

дое слово, – ловилось им с восторгом и обожанием? Он любил в ней все, что вызывало теперь отвращение: ее незнание родного языка и смешные ошибки в нем, если она все же пыталась говорить по-русски; бурные вспышки ее ревности и следующие за ними такие же бурные проявления нежности; томные взгляды и величавую походку...

В памяти Сергея непрощено возникло видение так похожего на это торжества, – с балом и ужином на триста персон, – на котором главными действующими лицами были он сам и Ирэн. День их свадьбы. Как они танцевали тогда! Они кружились и кружились, занятые лишь собой, и никого не существовало для них... Тот день был самым счастливым в его жизни. А та ночь – самой несчастной. И больше он с тех пор не танцевал.

Он посмотрел в сторону Березиных, – и мысли о жене исчезли. Что же замышляет эта «маленькая и щупленькая девчонка со странными глазами», – как сказала о ней Ирэн? Что нужно ей от него, Сергея? Зачем был нужен этот загадочный маскарад с мальчишкой Катей? Он должен это выяснить. Но скажет ли она ему? В ее глазах была толика страха, когда он пригласил ее... но было и что-то еще. Вызов? Ненависть? Или боль?

Он узнает это, и скоро.

Аня не думала, что вальсировать с *ним* будет не так уж неприятно.

Она не танцевала пять лет и многое забыла, хотя учителя танцев в свое время считали ее способной ученицей и хвалили ее куда больше, нежели позже – Алину; и со всяким другим партнером Аня чувствовала бы себя не в своей тарелке из-за боязни сделать что-то не то; но только не с Раднецким. Наоборот, она была бы рада ошибиться, сбиться с такта или неправильно повернуться, чтобы поставить его перед всеми в неловкое положение. Но он оказался прекрасным партнером; он вел ее так уверенно и непринужденно, что ноги и тело Ани сами вспоминали и делали все за нее.

Она ожидала, что он сразу начнет допрос, и приготовилась к этому; но они сделали уже три круга по залу, а он, кажется, вовсе не собирался говорить о *том* вечере. Он задал несколько обычных светских вопроса о том, как давно она с маменькой и сестрой в столице, нравятся ли ей зимний Петербург и сегодняшний бал, – и это было все.

Его взгляд, – она танцевала с опущенными глазами, но несколько раз все же рискнула посмотреть ему в лицо, – его движения, даже то, как он держал ее правую руку в своей, а другой рукой обнимал ее талию, – ничто не выдавало каких-то посторонних мыслей или опасных для нее намерений.

«Да полно, узнал ли он меня, в самом деле? – несколько раз мелькнуло у Ани. – Возможно, это предложение повальсировать – просто совпадение, и я напрасно нервничаю?»

Но нет. Конечно, это не было совпадением. Она была

не из тех, кого приглашают; она была некрасива, стара, в конце концов. А он не танцевал давно, – так сказала тетушка... И это было правдой, – Аня даже слышала удивленный шепот, когда граф взял ее за руку и ввел в круг танцующих.

Но тогда – почему он молчит?? Почему не спросит, что делала она около его особняка, зачем выспрашивала о нем, как оказалась в Ольгином борделе? Может, ему неловко, что Аня подслушала его сон и потом видела их с Ольгой там, на ковре? Но нет; этот человек не может испытывать чувство стыда. Он негодяй, без совести и чести. И хватит ей трястись перед ним; если он молчит, она заговорит сама!

И она решилась:

– Скажите, ваше сиятельство, лицемерие входит в круг ваших должностных обязанностей?

– Что вы имеете в виду, Анна Ильинична? – он поднял бровь и посмотрел на нее сверху вниз с самым искренним недоумением.

– Вы так старательно делаете вид, будто меня не узнаете.

– Никак не думал, что вам захочется говорить об этом, – он улыбнулся; кажется, ее смелость позабавила его. Эта улыбка разозлила Аню еще больше.

– Почему? Думаете, я вас боюсь? – бросила она язвительно.

– Мы оба оказались в тот вечер в достаточно неудобном положении.

– Ваше положение было куда неудобнее, – теперь уже за-

улыбалась Аня, ехидно. – Прямо на ковре, на полу...

Он остался невозмутим:

– Мне, право, жаль, Анна Ильинична, что вы, столь невинная девица, видели эту сцену. – Но по лицу его Аня читала, что ему нисколько не жаль, и он продолжает забавляться. Она начала задыхаться, – но не от быстрого танца, а от злости.

– Я не только много видела в квартире Ольги. Но и слышала, граф, – ядовито улыбнулась она.

– О, уверен, вы слышали не много, а все. Интересно, кто давал вам уроки подслушивания и подглядывания? Вы в них весьма преуспели.

– Сие неважно. Важно, *что* я услышала и увидела.

– Неужели вы станете налево и направо рассказывать мой сон? Или – чем я занимался с Ольгой? Это было бы верхом глупости, мадемуазель.

– О, нет. Эти воспоминания я оставлю себе. Но вот как вы избивали жену...

На этот раз ей удалось задеть его; он нахмурился и медленно произнес:

– Чего же проще? Давайте остановимся, и вы крикнете на всю залу, – благо здесь и государь, и все высшее общество, – «Граф Раднецкий бьет свою жену!» Я буду навеки опозорен и обесчещен; а вы снищете благородную славу моей разоблачительницы.

Он даже замедлил движения, будто впрямь желая остано-

виться; Аня прошипела:

– Не смейте!..

Он засмеялся и вновь закружил ее по зале. Как стереть это насмешливое выражение с его лица? Она сказала:

– Вы, наверное, и Ольгу избили, когда я убежала?

– О, да. Вы не читаете бульварных газет? Странно. Там было об этом. «Неизвестный избил до полусмерти хозяйку борделя».

С каким удовольствием она залепила бы ему пощечину!..

– Прекратите, вы, негодяй!

– Откуда эта ненависть ко мне, Анна Ильинична? Я причинил вам какое-то зло? – уже серьезно спросил он.

– Да.

– Что же я сделал?

Она открыла рот, чтобы назвать имя Андрея и обвинить Раднецкого, но что-то удержало ее, и она лишь процедила:

– Родились на свет.

– Безусловно, это большое преступление с моей стороны, – легко согласился он. – А, кроме того?..

– Кроме того, вы подлец и мерзавец!.. – Она вырвала у него руку и, оттолкнув его от себя прямо посреди бальной залы, бросилась бежать. Он смотрел ей вслед без улыбки, серьезно и задумчиво.

– Елизавета Борисовна, представьте мне ваших знакомых.

– Ваше величество...

Государь подошел к Льветарисне и ее спутницам так неожиданно, что все четыре дамы совершенно растерялись. Наконец, тетя опомнилась и по всем правилам представила Березиных. Император остановил весьма благосклонный взор на Алине, но затем неожиданно обратился к Ане:

– Мой флигель-адъютант оскорбил вас, мадемуазель? Скажите, и я немедленно наложу на него взыскание.

– О, нет, ваше величество, – ответила она. – Я... мне просто стало немного дурно.

Точно так же она объяснила то, что бросила Раднецкого прямо во время вальса посреди зала, и маменьке с Льветарисной.

– Понимаю, – сказал государь, проницательно глядя на нее. Затем вновь посмотрел на Алину:

– Мадемуазель, свободен ли у вас котильон?

Алина порозовела так, что стала в десять раз краше:

– Свободен, ваше величество.

Как мог он быть не свободен??

«Любимый мой Андрей! Сегодня я видела Р. Каким бы чудовищем я его ни представляла, действительность превзошла все мои ожидания. Он отвратителен и мерзок! Оказалось, что это он был тем Сергеем, о котором я тебе уже писала. Представь себе, что я испытала, когда нам не только его представили, но он пригласил меня на танец!

Я не смогла отказать ему. Но бросила его прямо посреди

бальной залы. О, как хотелось мне, когда государь подошел к нам и спросил меня, не оскорбил ли меня Р., заявить, что да, – и посмотреть, что с ним сделают!

Но едва ли его ждало бы слишком суровое наказание. Я же, любимый мой, приготовила ему то, что он заслуживает. Это решено. Я выполню обещание, данное тебе. Твоя навек, Annette».

*comme il faut (франц.) – как надо, как следует.

8.

Как же Алина была довольна, что этот котильон оставила про запас! И какая удача, что его величество пригласил ее именно на этот танец! Да она бы всю оставшуюся жизнь кусала себе локти, если бы пришлось из-за какого-то офицеришки или князька отказать самому государю!

Два дня после бала в Николаевской зале она пребывала в восторженном состоянии, которое уже не омрачалось более завистью к старшей сестре. Бальзам на душу дочери пролила мать, сказавшая Алине, что Раднецкий, безусловно, пригласил Аню по просьбе Льветарисны. Ну, конечно же! – просияла Алина. Как же она сама сразу об этом не догадалась?! И больше уже ничто не могло нарушить блаженства, в котором она плавала.

На следующий после бала день Льветарисна предложила Марье Андреевне устроить музыкальный вечер. Алина пре-

красно поет, Аня может ей аккомпанировать. Князь Янковский – один из двух претендентов на руку Алины – очарован ею с первого взгляда; Алечке он тоже, кажется, понравился; ему первому и отправят приглашение. Будут и еще гости, но немного; все, конечно, избранные.

Марья Андреевна горячо поддержала предложение генеральши. Кажется, впервые за долгие годы меж ними наступило полное перемирие; но это было неудивительно: Льветарисна искренне желала Алине добра и искала достойного мужа для своей любимицы; того же хотела всем материнским сердцем и Марья Андреевна.

Алина нашла идею званого музыкального вечера чрезвычайно привлекательною; она тотчас закабалила старшую сестру, и следующие два дня почти непрерывно пела у рояля, на котором играла Аня, или ходила с нотами в руке, разучивая самые модные песенки.

Единственной, кто вовсе не желал этого вечера, была Аня. И не только потому, что она вынуждена была с утра до вечера аккомпанировать пению Алины.

В списке гостей, составленном Льветарисной, она увидела фамилию Раднецкого; он был приглашен с супругой. Ане вовсе не хотелось встречаться с ним; во всяком случае, до *определенного* времени. Она опасалась новых преследований с его стороны. Он не выглядел человеком, способным отступить перед трудностью; конечно, ему хочется разгадать поведение Ани, и он сделает все, чтобы добиться своей цели.

К тому же, интерес графа к старшей девице Березиной мог быть замечен; а ей, в свете *предстоящего*, меньше всего хотелось, чтобы кто-нибудь обнаружил меж ними хоть какую-то связь.

Поэтому Аня страшно обрадовалась, когда утром в назначенный день принесли записку от Раднецкого, в которой он извинялся перед Елизаветой Борисовной и ее родственницами, что не сможет быть, в связи со служебными делами.

На душе у Ани стало куда легче; и она с таким энтузиазмом аккомпанировала после завтрака сестре, которая решила еще раз пробежаться по выбранному репертуару, что удостоилась даже похвалы Алины.

– Давно бы так, – сказала та, – а то сидишь за роялем с видом приговоренной к каторге. Надеюсь, вечером ты меня не подведешь, дорогая, и будешь так же старательно музицировать.

Аня, не особо кривя душой, ответила, что сделает все, что в ее силах. Настроение ее поднялось; но, увы, ненадолго. Неожиданно Льветарисна захотела с ней поговорить. К немалому удивлению Ани, речь пошла о предмете, о котором она вовсе не думала; а именно – об ее замужестве. Оказывается, на балу в Зимнем она привлекла внимание одного господина, и он уже имел честь побеседовать о ней с Льветарисной.

– Андрей Иннокентьевич Нащокин – чиновник для особых поручений при генерал-губернаторе. Он... несколько своеобразен и в речах, и в манерах; но человек серьезный

и пойдет далеко. – И, видя, что Аня молчит и никак не реагирует, добавила ласково: – Ты просто приглядишься к нему, Анята. О большем, ласточка, пока ведь речи нет.

Ане почему-то показалось, что Льветарисна не очень долюбливает господина Нащокина; но тетушка больше ничего не сказала о нем.

Аня и сама хотела поговорить с тетей; кажется, момент был благоприятный, и она осторожно завела речь о Раднецком.

Льветарисна громово расхохоталась и погрозила ей длинным сухим пальцем:

– Смотри, Анята! Серж несвободен. Да, он красавец, но не увлекайся. Я, конечно, желаю, чтоб сердце твое перестало болеть по Андрею, девочка моя; но не хочу, чтоб тебя вылечил женатый мужчина.

– Расскажите, тетушка, как он женился на Ирэн.

– О, это был настоящий роман! Серж потерял из-за нее голову, – а ведь ему было уже двадцать четыре: не юноша, зрелый мужчина. Ирина тогда только в свете появилась. Сразу произвела фурор. Сколько предложений на нее посыпалось! Но ее мать, – отец давно умер, – не торопилась с выбором. Хотя, думаю, Ирине сразу мой племянник приглянулся. А как он ухаживал! Средневековый рыцарь, да и только. Когда однажды Ирина заболела, он целую ночь в грозу, в ливень, под ее окнами простоял. Доктору наказал: как кризис минует, чтобы занавеску чуть сдвинул, что все обо-

шлось. А когда у Ирины кошечка любимая умерла, породы какой-то редкостной, он весь Петербург и Москву объездил, чтоб точь-в-точь такую же сыскать, купил за бешеные деньги котенка, прислал ей поутру, только она проснулась, в корзинке, с золотым ошейником, бриллиантами усыпанным. А еще как-то на охоте у Ирины из подола амазонки кусок об куст зацепился да оторвался. Так Серж этот кусок в золотую ладанку положил и на груди носил, словно реликвию священную...

– Это он вам сам рассказывал? – спросила Аня, невольно завороженная силой такого чувства, хотя кошачий ошейник и медальон немного ее насмешили.

Льветарисна снова расхохоталась:

– Да что ты, девочка! Разве мужчина станет об этом кем-то, кроме любимой, говорить? Ирина рассказывала. Он ей перед свадьбой признался. А насчет грозы – это я от врача узнала. Немец один, он меня от подагры лечит, вот и проболтался про Сержа и его ночное бдение.

– Так как же они все-таки поженились?

– Где-то через год после появления Ирины при дворе в дело вмешался сам государь. Он выступил сватом Сержа, и мать Ирины, конечно, дала согласие на брак.

– Как вы думаете... у них счастливый брак? Они любят друг друга?

– У них болен единственный сын; это большое несчастье. К тому же, Серж на службе, он часто пропадает на ней днями

и ночами. Какой жене это понравится? Ирина переживает и по этому поводу. Но, конечно, они любят, и очень сильно.

Аня спросила, немного подумав и очень осторожно, чтобы не выдать себя:

– Граф, правда, так ревнив? Я слышала о дуэлях из-за его жены...

– О, да. В роду Раднецких все такие, кровь в них кипучая, – чуть заденут их гордость, сразу или за шпагу, или за пистолет. Серж – военный, он, конечно, сдерживаться умеет, но... – Льветарисна вдруг замолчала, и Аня поняла, что ей все-таки что-то известно о *той* злосчастной дуэли.

После тетиного рассказа Аня до самого вечера ходила задумчивая. Как же человек, который так любил, мог, женившись, так измениться к возлюбленной? Или все, что совершил Раднецкий ради Ирэн, было притворство, желание во что бы то ни стало добиться своей цели? А, когда она была достигнута, быстро наступило пресыщение, сменившись холодностью и, наконец, злобой на предмет обожания?

Ответа на этот вопрос не было. Это было выше ее понимания...

Вечер настал; гости съехались. Князь Янковский, метивший в женихи Алине, прибыл одним из первых. Он был очень привлекательный мужчина, белокурый и с пышными бакенбардами, красиво обрамлявшими несколько длинное, узкое, похожее на морду породистой лошади, лицо. Денег

у него было немного, но он был хорошего рода и мог получить наследство сразу от двух богатых московских бабушек, которые обе его обожали, и обе, очень кстати, стояли каждая одною ногой в могиле. Все это доподлинно было известно Льветарисне.

Марья Андреевна, после некоторого раздумья (поскольку состоятельный барон также заинтересовался ее дочерью), остановилась все же на князе, хотя обычно придерживалась правила «синицы в руке». Алине князь Янковский тоже пришелся больше по душе.

Приехала и графиня Раднецкая, – и вновь поразила Аню своей безупречной красотой. Графиня также была прекрасной музыкантшей и, по просьбе Льветарисны, обещала сыграть несколько новомодных произведений.

Но сначала выступила Алина; у нее был высокий, необыкновенно чистый голос; она заворожила слушателей, ее не отпускали, и ей пришлось петь и петь, пока, наконец, тетушка не вмешалась и не попросила дать племяннице передышку.

Аня с наслаждением поднялась из-за рояля, уступив его графине Раднецкой. И в этот момент к ней подошли Льветарисна и невысокий, плотный человек в наглухо застегнутом сюртуке.

– Аня, это Андрей Иннокентьевич Нащокин, – представила его тетя. Аня сделала книксен. Нащокин поклонился. Сверкнул лысый череп, прикрытый несколькими оставшимися от прежней шевелюры прядями. У Нащокина бы-

ло добродушное, свежее, будто только что умытое талой водою, лицо с мягкими чертами, на котором несколько странно смотрелся крючковатый нос. Но с этим лицом совершенно дисгармонировали глаза – светло-голубые, под тяжелыми веками и лишенные ресниц, они казались голыми и льдистыми.

– Необыкновенно рад знакомству с вами, Анна Ильинична, – сказал Нащокин, слегка растягивая слова, – как человек, привыкший, что его будут слушать со вниманием и не перебьют. Голос у него был мягкий и тихий.

Льветарисна под благовидным предлогом оставила Аню и Андрея Иннокентьевича. Аня, впрочем, была уверена, что он не станет в первую же минуту знакомства говорить о своих чувствах; но она несколько ошиблась.

– Я имел удовольствие видеть вас несколько дней назад в Зимнем, – сказал Нащокин и добавил с добродушной улыбкой: – Вы танцевали с графом Раднецким.

– Да, вы правы.

– Вы прекрасно вальсируете.

«Да неужели?»

– Благодарю вас.

– Не стоит. Это не комплимент, – констатация факта. Я, знаете ли, равнодушен к танцам, но люблю наблюдать, как этим занимаются другие.

– Вот как?

– В медленных танцах, подобных вальсу, музыка и плав-

ные движения расслабляют, и тогда многое можно прочесть по лицам партнеров.

Аня вспомнила должность Андрея Иннокентьевича: чиновник по особым поручениям. Уж не шпион ли он?

– Вы намекаете, что на лицах моем или графа Раднецкого во время вальса что-то прочли? – спросила она спокойно.

Он развел пухлыми ручками.

– Увы. Я видел лишь то же, что и все: что вы бросили графа прямо во время танца посреди залы.

– Мне стало нехорошо, – резче, чем собиралась, сказала Аня.

– О, конечно. Головокружение во время вальсирования – дело естественное, – промолвил с тою же добродушной улыбкой Нащокин, но Аня решила, что он несколько не поверил в ее объяснение.

– Я, Анна Ильинична, человек деловой, прямой и откровенный, – сказал он, видимо, желая сменить тему. – В определенных кругах меня хорошо знают. Да я и сам знаком с вашим батюшкой, Ильей Иванычем, правда, шапочно. И матушку вашу покойную знавал, Софью Михайловну. Соседствовал с ее родителями в N—ской губернии. Простите, понимаю, что затронул струну болезненную; но, уверен, Марья Андреевна полностью заменила вам мать, и вы нашли в ней самую любящую и нежную родительницу.

Аня отвечала, что так и есть. Маму она почти не помнила; ей не было четырех, когда та скончалась, – но об этом она

не стала говорить.

– Я вдовец, бездетен, – продолжал Нащокин. – Достаточно обеспечен, хоть и не богач. Вторая женитьба давно входила в мои планы. Но к этому вопросу, как вы понимаете, необходимо подходить серьезно и обстоятельно. Увидев вас, Анна Ильинична, я подумал, что, возможно, нашел ту, которая станет мне верной спутницей... О, нет, я понимаю, что вы хотите сказать, – добавил он, видя, что Аня хочет что-то ответить. – Но давайте не будем торопиться. Поспешные решения не есть хорошие решения, не так ли? Я должен приглядеться к вам, вы – ко мне. И, ежели мы оба сочтем, что наш брак приемлем, тогда уже вернемся к этому разговору.

Аня вынуждена была дослушать его до конца, пылая негодованием. До чего же он самонадеян, если решил, что она тут же согласится выйти за него! И насколько же уверен в своей правоте... Очень неприятный тип!

– Я полагаю, что к этому вопросу, Андрей Иннокентьевич, мы никогда не вернемся. Я не собираюсь выходить замуж; во всяком случае, пока не встречу человека достойного.

– Такого человека вы уже встретили, Анна Ильинична, и видите его перед собою. Что же касается того, что вы не хотите выходить замуж, – сию фразу я слышал от многих девиц; и она несколько не может обмануть умного человека. Замужество есть сокровенное желание всех представительниц вашего пола; а те из вас, кто отрицает это, хотя я уверен, наиболее. – И он сладко улыбнулся, будто произнес

некую остроумную вещь.

– В таком случае, – улыбнулась не менее сладко Аня, – я являюсь редчайшим исключением из правила умных людей. Я, действительно, не думаю о замужестве.

– Госпожа Березина, ваша добрая матушка, сказала мне несколько иное, когда я имел честь беседовать с нею об вас, – заметил Нащокин. Аня задохнулась от возмущения: так, значит, он не только с Льветарисной говорил, но и с Марьей Андреевной?!

Она уже хотела высказать ему, что думает, но зычный голос Льветарисны позвал ее:

– Аня! Аня!

Оказалось, Алину снова просят спеть; Аня нужна была за роялем. Она молча наклонила голову и поспешила к инструменту, радуясь, что избавилась от этого неприятного человека.

...Алина была в ударе; она пела и пела; Ане пришлось сосредоточиться на игре и выкинуть на время из головы Нащокина. Она только погрузилась полностью в музыку, как вдруг краем глаза увидела сбоку от себя чью-то фигуру, показавшуюся знакомой... Она повернула голову – и чуть не упала со стула. Там стоял граф Раднецкий.

Пальцы Ани одеревенели и ударили не по тем клавишам.

В ясный звонкий голос Алины ворвался посторонний резкий звук, нарушивший гармонию. Пение замерло на высокой чистой ноте трудного пассажа; Алина покраснела от злости

и бросила на Аню взгляд, не обещающий старшей сестре ничего хорошего.

– Ах, какая неприятность! – сказал по-французски князь Янковский, – испортить такую чудесную ноту, такой великолепный пассаж! Мадемуазель Алина, я в отчаянии, что это случилось. Я бы скорее согласился дать отрезать себе руку, чем прервать ваше пение.

«Руку, скорее всего, отрежут мне, – мрачно подумала Аня, вставая и тщательно избегая смотреть на Раднецкого. – Во всяком случае, мои неловкие пальцы – точно».

Она поймала взгляд Марьи Андреевны – и убедилась в том, что ее ждут большие неприятности. Маменька и Алина, конечно, уже утвердились во мнении, что она сбилась нарочно.

Вечер был испорчен – для Ани окончательно. Ей хотелось уйти в свою комнату, остаться одной... Она направилась к выходу из комнаты, но была остановлена вопросом:

– Анна Ильинична, могу ли я поговорить с вами?

Голос Раднецкого заставил ее вздрогнуть. Боже, как же она ненавидела этого человека! В этот миг особенно.

– Нет, не можете, – процедила она. – Оставьте меня в покое, ваше сиятельство.

Он шагнул к ней так, что встал совсем близко; она остро почувствовала его высокий рост, силу и физическое превосходство... И угрозу, исходящую от этого крупного мужчины. «Кровь в Раднецких кипучая, чуть заденут их гордость», –

вспомнились ей слова Льветарисны.

Она быстро сделала шаг назад. Но граф тоже отступил; он отошел от нее; через полминуты Аня услышала, как он вдруг предложил Алине аккомпанировать ей. Алина согласилась; Раднецкий сел за рояль, и пение возобновилось. Он играл прекрасно; Аня невольно остановилась послушать и поняла, что он куда более искусный музыкант, нежели она.

Алина, когда играла старшая сестра, сосредоточивала все внимание на князе Янковском; но теперь она смотрела лишь на того, кто аккомпанировал ей; лицо ее заалело от прилившей к щекам крови, в голосе появились новые, грудные нотки, которых Аня до этого ни разу не слыхала.

Она вдруг передумала уходить. Опустилась на диванчик и начала слушать пение младшей сестры...

– Вам, правда, понравилось?

– О, да. Вы пели очаровательно.

– Ваша жена, наверное, тоже поет?

– Только по-итальянски. Вы же исполнили целых две русские песни, – и тем покорили меня навек.

– Вы шутите, ваше сиятельство?

Раднецкий улыбнулся. В Алине было столько непосредственности и ребячества, что он не мог сдержать улыбку.

Кроме них, в комнате никого не было. За полузакрытую дверь слышались смех, звон бокалов и шелест женских платьев. Алина увлекла (или завлекла?) его сюда после сво-

его концерта, под видом того, что хочет показать ему ноты с каким-то романсом. Сергей чувствовал, что это лишь предлог, но ему было любопытно, чего же хочет от него эта красивая девочка.

– А моя сестра вела себя так отвратительно и чуть все не испортила! – воскликнула гневно Алина. – Вы заметили, как она сбилась? Это была не случайность, она сделала так нарочно!

– Заметил, да.

– И знаете, из-за чего?

– Думаю, догадываюсь.

– Вы очень проницательны. Да, она это сделала, чтобы досадить мне. Из зависти. Она очень завистливая и злая.

– Мне так не показалось.

– О! Вы плохо Аню знаете. Она всегда такой была. С детства. Мама относилась к ней, как к родной дочери, но...

– Разве Анна Ильинична – не дочь Марьи Андреевны? – удивился Раднецкий.

– Нет. Моя мама вышла за моего папу, когда Ане было шесть. С самого начала мама старалась стать ей настоящей матерью, но все было бесполезно. Она кажется кроткой и милой, – со стороны. Но это только видимость. Она бессердечная, жестокая и злая.

– И, вероятно, безрассудная?

– Вот-вот. Это правильное слово – безрассудная, – кивнула Алина.

Раднецкий на мгновение задумался. Кое-что в характере Анны Березиной, мнение о котором у него начало складываться после столь короткого, но значимого для обеих сторон, знакомства, совпадало со словами Алины. Но все же она оставалась еще очень во многом загадкой...

– Но скажите мне, – сказала Алина, сверкая глазами, – вы пригласили танцевать на бале в Зимнем Аню, потому что вас попросила о том Елизавета Борисовна, или... чтобы привлечь мое внимание?

Эта юная кокетка слишком много о себе воображает, – подумал Сергей. Однако она ему нравилась. Даже в ее злости на старшую сестру было что-то до того детское и наивное, что он не мог пенять ей на это.

– Второе ближе к правде, – ответил он. Алина вдруг шагнула к нему и забросила ему на плечи руки.

– О, я так и думала... – пробормотала она. – Ну, что же вы стоите? Поцелуйте меня!

Раднецкий не мог не признаться себе, что ему хочется поцеловать ее; но он бы, конечно, устоял, не увидь он в дверях Аню. Что-то необъяснимое завладело им; может быть, он захотел посмотреть, как отреагирует она на это, или вдруг испытал желание вызвать в ней ревность. И он прильнул к подставленным ему губам Алины...

Увы, там была не одна Аня. Там была еще и его жена. И, когда он поднял голову, то увидел два полных ярости взгляда. Впрочем, на один из них ему было, как говорила сама

Ирэн в припадках злобы, наплевать. А вот второй...

Алина вскрикнула, покраснела как рак и опрометью выскочила вон. Аня резко повернулась и последовала за младшей сестрой. Ирэн же вошла в комнату.

– Вам, я вижу, надоели шлюхи, и вы начали соблазнять невинных девиц из благородных семейств? – спросила она задыхающимся от сдерживаемой злобы голосом.

– Мне надоела *одна* шлюха. И вы прекрасно знаете, кто она, мадам, – он отвесил ей насмешливый поклон.

– Не смейте меня оскорблять! – взвизгнула Ирэн. – Вы – скотина! Свинья!

– Научитесь хоть эти слова произносить по-русски. Получится звучнее, уверяю вас.

– Всё, – она кусала губы, стараясь не сорваться, – хватит! С меня довольно! Я пойду к государю. Он все узнает об Николая.

– Что вы сказали, мадам? – он в один миг оказался перед ней и схватил ее за плечи. – Что вы сказали?

– Что я пойду к императору и выдам вашу тайну!

– Это не моя тайна, а наша! – Сергей грубо затряс ее. Ее голова замоталась на изящной шее. С каким удовольствием он бы сомкнул на этой шейке пальцы – и... – Наша – и нашего сына тоже! Вы хотите свести его в могилу? Вы – никудышная мать, но хоть какие-то чувства к мальчику в вас должны еще остаться. Вы не посмеете!

– Еще как посмею, – прошипела она. – Если только это

способно укротить вас, то посмею!

Он отпустил ее. Он видел, что она боится его; но бешенство ее было больше страха.

– И чего вы хотите от меня? – хрипло спросил он.

Она с торжеством усмехнулась:

– Так-то лучше. Многого я не хочу, поверьте. Лишь того, чтобы вы стали верным любящим мужем. И мы, наконец, стали настоящей семьей.

– Хорошо, – Сергей понимал: она припирает его к стене. Но мысль о Коле и о том, что ждет его после того, как император узнает правду, леденила душу. Что угодно – но не это! – Я обещаю вам, что больше женщин в моей жизни не будет. Что я буду относиться к вам уважительно, что никогда больше не подниму на вас руку и не оскорблю вас, – медленно, почти по слогам, произнес он. – Вы этого желаете, мадам?

– Не совсем, – медовым голосом сказала Ирэн. – Вы обещаете мне, что в вашей жизни не будет женщин? Но я этого не требую. Вернее – я требую, чтобы была, но только одна. Я. Кажется, она все же доведет его до исступления...

– Это невозможно.

– Серж, неужели это так тяжело для вас? Для вас, который столь безгранично, самоотверженно любил меня? Неужели та наша единственная ночь могла убить это потрясающее, глубокое, как море, чувство? Я не верю в это!

– Этому не бывать, – глухо повторил Раднецкий.

– В таком случае, – завтра же я поеду в Зимний и все расскажу государю! О том, что Николая...

– Тварь! – не выдержал Сергей. – Если только ты посмеешь... Если только я узнаю, что ты сказала хоть слово о моем сыне, – я убью тебя! Клянусь честью, убью!

Он вышел, хлопнув дверью. Женщина, стоявшая за ней, едва успела отскочить в сторону. Но граф не заметил ее; ненависть и ярость клокотали в нем.

Он немедленно откланялся и поехал на Итальянскую, к Ольге. К чертям собачьим переодевания и нелепые маски! Он больше не станет скрывать своих отношений с ней. Пусть все знают, что граф Раднецкий предпочитает проституток своей красавице-жене!

«Мой любимый Андрей! У меня сегодня был очень тяжелый вечер. Я снова видела Р., он был у нас в гостях. Этот человек совершенно лишен чести и совести. Он поцеловал Алину прямо у меня на глазах и на глазах своей собственной жены! У меня было впечатление, что он поступил так нарочно.

Еще меня познакомили с господином Нащокиным. Очень неприятный тип. Кажется, маменька и Льветарисна прочат его мне в мужья. Ни за что!

Но это еще не все. Когда Р. ушел, его жена осталась. Вскоре гости начали расходиться, мы провожали их. Алина в один момент куда-то исчезла. Вдруг мы услышали с Льве-

тарисной крики. Бросились на них... и застали ужасную сцену: графиня Р-я вцепилась бедняжке Алине в волосы. Она была словно безумная. Мы с Льветарисной еле оттащили графиню от Алины. Прибежала и маменька. Р-я изрыгала проклятия и кричала, что Алине не видать ее мужа. Еще она что-то говорила про государя и про то, что она ославит Алину так, что ее никто не возьмет замуж. Марья Андреевна и Льветарисна просто оторопели; одна я понимала, почему графиня так взбесилась.

Еще хорошо, что гостей и слуг поблизости не было, — это же могло закончиться таким жутким скандалом!

Наконец, Льветарисне удалось кое-как успокоить Р-ю, и она уехала. Маменька начала спрашивать Алину о причинах ярости графини, но моя сестра, конечно, молчала. Я тоже сделала вид, что ничего не понимаю.

Когда я легла спать, я слышала, как маменька вошла в спальню Алины, и они там долго говорили. Алина плакала, Марья Андреевна ее утешала. Конечно, Алина виновата; я видела, что она вовсе не сопротивлялась, когда Р. ее поцеловал. Но она еще такое дитя. Она ничего не знает о жизни. Надеюсь, это послужит ей уроком, и впредь она будет осторожнее в словах и поступках.

Неужели Р-я выполнит свою угрозу?? Вряд ли. Ту сцену видели лишь она и я; я буду, естественно, все отрицать, если меня спросят. А ей одной не поверят.

Но мне пора ложиться. Еще только два слова: *я решилась.*

Твоя навек, Annette».

9.

На следующий день вместо извинений из особняка Раднецких было доставлено приглашение Льветарисне и ее родственницам на бал, который должен был состояться через два дня. Письмо было подписано графиней Ириной Раднецкой.

Сердце Ани быстро забилося, когда тетушка прочла вслух это послание. Лучшего случая у Ани могло больше не быть. Значит, *это* произойдет там. Время пришло.

– Мы, безусловно, примем приглашение, – сказала Марья Андреевна. – Не так ли, Алина? – она со значением посмотрела на дочь.

– Да, матушка, – ответила та тихо. Она вообще в этот день была не похожа на себя; куда исчезли ее заносчивость, уверенность в себе? Скромная, робкая, благовоспитанная девушка.

– Вы уж Ирэн простите за вчерашнее, – сказала Льветарисна. – Нервы у нее шалют. Все из-за Коленьки. Она мать, разлука с сыном для нее настоящая трагедия.

– Конечно, мы все понимаем, – довольно натянуто улыбнулась Марья Андреевна. – Я надеюсь только, что графиня больше не позволит себе подобного. Напасть на невинного ребенка, безо всякого повода, – тут уж не просто нервы расшалились, тут болезнь посерьезнее... – и обернулась к встав-

шей падчерице: – Аня, стой. Ты куда? Я хотела с тобою побеседовать.

– Да, маменька. – Аня догадалась, о чем пойдет речь; но избегать этого разговора было глупо.

– Об господине Нащокине. Ты с ним вчера говорила. Как он тебе показался?

– Он человек неглупый...

– Брось, дорогая, – поморщилась Марья Андреевна. – Дело не в его уме. А в том, что ты ему понравилась, и он, кажется, не прочь взять тебя в жены. Он об этом вел речь?

– Он сказал, что брак входит в его планы, – медленно и осторожно произнесла Аня. И добавила, в надежде, что это расхолодит маменьку: – Но что жену он будет выбирать очень тщательно.

– Не сомневаюсь в том, – кивнула маменька. – Однако, раз уж ты привлекла его внимание, надо сделать все, чтоб его выбор остановился на тебе. Ты же понимаешь, что такой шанс нельзя упускать. Он с положением, не стар, достаточно обеспечен. В твои двадцать четыре и с твоей внешностью ты уж не сыщешь более достойного кандидата.

Аня слушала аргументы маменьки молча, не возражая. В конце концов, все это было правдой; ей нечего было рассчитывать на лучшую партию.

– Так что, дорогая, надеюсь, ты сделаешь все, что в твоих силах, чтобы он женился на тебе, – закончила Марья Андреевна. – Ты знаешь, как я желаю твоего счастья.

– Да, маменька, – кратко ответила Аня. Спорить с Марьей Андреевной было бесполезно. Да и небезопасно. Рассердившись на Аню, она могла запретить падчерице поездку на бал к Раднецким. А этого нельзя было допустить ни в коем случае. Конечно, Аня была совершеннолетняя и могла появиться на балу и без маменьки и сестры; но это было бы, во-первых, нарушением этикета, а, во-вторых, могло привлечь к ней лишнее внимание. А именно внимания она стремилась в этот столь важный для нее день избежать.

– Вот и умница, – благосклонно улыбнулась Марья Андреевна. – Иди сюда, дорогая, я поцелую тебя. – Она коснулась тонкими холодными губами лба Ани. – Елизавета Борисовна, правда, у меня прекрасные дочери?

– Истинная правда, – отвечала тетушка, тем не менее, внимательно приглядываясь то к Алине, то к Ане. – Нам с Дмитрием Ивановичем, будь земля ему вечно пухом, детей бог не дал, но мне Анюта и Алиночка как родные. Алиночка, а что ты о князе Янковском думаешь? Приглянулся он тебе али нет?

– Князь – прекрасная партия, Елизавета Борисовна, – не дав дочери и слова сказать, произнесла Марья Андреевна. – Мы вам очень благодарны за это знакомство и надеемся, что оно принесет свои плоды, и в самом ближайшем будущем.

– Дай-то Бог, дай-то Бог...

«Любимый мой Андрей! *Это* случится завтра. Р. получит по заслугам!

Сегодня у нас снова был Нащокин. Я, кажется, не писала тебе, что он похож на шпиона? Он вел себя странно. Говорил со мной о Р. У меня такое чувство, что он подозревает о моих намерениях. Я его боюсь. Странно, что его тоже зовут Андреем, – это прекрасное имя к нему совершенно не идет. Твоя навек, Annette».

Раднецкий прохаживался по своему кабинету, заложив руки за спину. Бал, который должен был состояться нынче вечером, раздражал его. Какого черта Ирэн это понадобилось? Раднецкие всегда устраивали летний бал, после Пасхи; это была традиция, – и вдруг Ирэн решила нарушить ее.

А он, как назло, не на службе. И ему придется присутствовать на этом вечере. Интересно, государь тоже приглашен? Впрочем, Сергей бы очень удивился, если б нет...

Он дернул сонетку и велел явившемуся лакею сходить к ее сиятельству и, – если, конечно, она у себя, – попросить список приглашенных.

В ожидании он продолжал мерить шагами комнату. Ирэн после их последнего разговора вела себя тише воды, ниже травы. Но он не обманывался этим мнимым спокойствием. Она всегда обладала бурным темпераментом; а в последние годы вспышки резких перемен настроения участились особенно. Она могла необычайно развеселиться, а затем, чрез

несколько минут, впасть в полнейшую меланхолию; или же: вот она, только что была ласкова и нежна, – а мгновением позже, раздражившись из-за какого-нибудь пустяка, разъярилась и превратилась в настоящую фурию.

И при этом – она плохо контролировала себя, становилась мало управляема. За несколько последних лет Ирэн сменила не меньше восьми горничных; они не могли вынести характер госпожи, к тому же, жена не брезговала рукоприкладством. К счастью, нашлась одна – Таня, которая служила у Ирэн уже шесть месяцев и безропотно терпела тиранство хозяйки.

Сергей не мог слишком надеяться, что его обещание убить жену, если она проговорится, подействует на нее. Если она впадет в бешенство, – ее ничто не остановит. И будет ли смысл выполнять свою клятву, если все будет уже раскрыто?

Он надеялся больше на то, что в ней все же есть хоть небольшое чувство к сыну; что она понимает, как может все обернуться, если император узнает их совместную тайну. «Коля слишком слаб и болен, малейшее волнение вредно для него. Неужели Ирэн сможет рискнуть его здоровьем ради сомнительной надежды вернуть любовь государя?»

Но Сергей знал, что она сможет. Что она по-детски наивно верит, что холодность к ней его величества временная и не продлится долго. Она много во что верит; например, что, затащив мужа к себе в постель, сделает их настоящей семьей... Раднецкий брезгливо поморщился.

Он долго думал на самом деле над предложением Ирэн. Забавно: любой другой мужчина на его месте, менее щепетильный, – а, возможно, и более, – отбросив все сомнения, с радостью шагнул бы в объятия прекрасной графини. Но он, Сергей, не может. К тому же, даже если б он и принял условие жены, это не обеспечило бы сокрытие тайны; шантажисты никогда не останавливаются; последовали бы новые требования, еще более унижительные; еще и еще... И в результате, – Ирэн бы все равно однажды сорвалась и рассказала государю.

Но сейчас риск открытия тайны был велик как никогда. Сергей думал над тем, как избежать этого. Изолировать жену? Отправить в деревню? Но она там не останется; с ее характером, если ей взбредет в голову, пешком и хоть голая, хоть по снегу, пойдет в Петербург. Запереть ее в собственном доме? И долго ли это останется в тайне? Он, конечно, сможет какое-то время говорить, что Ирэн захворала и потому не появляется в свете; но, в конце концов, правда всплывет наружу; от слуг такое не скроешь, а потайных комнат в особняке нет.

Был еще один выход, и о нем тоже думал Раднецкий: призвать врачебный консилиум, который признает Ирэн нервнобольной, и отправить ее, пусть насильно, в лечебницу, лучше всего – куда-нибудь за границу, – конечно, с ведома и одобрения императора.

Раднецкий знал, что жена и государю устраивает сцены;

она сама говорила об этом. Он был почти уверен, что его величество согласится с таким решением. Но это лишь оттянет неизбежное; в один прекрасный день Ирэн вернется, и тогда...

Если только не объявить ее вообще сумасшедшей и спрятать в доме для умалишенных. Но на это Сергей не мог пойти. Это было бы такой подлостью; и к тому же надо думать о Коле: когда-нибудь он узнает о матери и о том, где она; и что будет дальше?..

Вошел лакей и подал графу список. Раднецкий быстро, почти мгновенно, – сказывалась флигель-адъютантская привычка просматривать много длинных, часто невразумительных, документов, – пробежал глазами по густо исписанным листкам.

Березины! Они тоже приглашены. Он с крайним неудовольствием вспомнил поцелуй с Алиной и Анну Березину, застывшую в дверях. Какого черта он позволил себе такую вольность? Ведь мог войти кто угодно; Сергей мог испортить репутацию этой девицы навеки, – и все из-за секундной прихоти.

А Анна... Какие у нее были глаза! Ей надо чаще злиться, – тогда они становятся такими большими, бездонными, темными... Он вспомнил ее лицо, удивленно полураскрытые губы. Интересно, каковы они на вкус? Алина совсем не умеет целоваться; а Анна? Она не такая молоденькая; был ли кто-то, кто научил ее целоваться?

Он вдруг ощутил какое-то неприятное чувство, подумав об этом. Чем-то похоже на ревность... Смешно; и откуда? Она маленькая, худенькая, почти невзрачная. А у него – красавица-жена, да и до нее сколько было прекрасных женщин в его жизни!

Правда, с тех пор, как он близко узнал Ольгу Шталь, он встречался лишь с ней. Хотя она не раз предлагала ему своих лучших девушек, иные из которых были просто ослепительны. Но, наверное, права пословица: обжегшись на молоке, дуешь на воду. В Сергее эти девушки не пробуждали никаких чувств; даже более того, – чем они были прекраснее, тем меньше ему их хотелось.

Может, поэтому его немного – чуть-чуть – тянет к Ане Березиной? Или виною в том ее секрет, которого он так и не узнал? Скорее всего, последнее, – решил Сергей. Он все еще жаждал разгадать загадку Анны, но не представлял, как. У него была мысль, что что-то знает Алина; но из ее слов стало ясно, что между сестрами нет особой близости. Анина мачеха, тем более, не могла быть посвящена в секрет падчерицы.

...Возможно, Сергею еще импонирует то, что он ощущает в Анне страстную натуру. Тут он тоже обжегся на Ирэн; но – что делать, если ему всегда нравились темпераментные женщины? Анна такая, он чувствует это: взрывная, дерзкая, горячая.

Ольга Шталь совсем иная: веселая, добродушная, покла-

дистая. С ней можно отдохнуть душой; но есть в ней и то, что ему немного претит: истинно немецкая расчетливость, рассудочность. Несмотря на то, что отношения между ними самые дружеские, она никогда не отказывалась от денег, которые он ей давал.

«Вы, русские, странные, – сказала она Сергею как-то, – у вас душа на распашонку...»

«Нараспашку, Ольга», – рассмеялся он ее ошибке.

«Да. Нараспашку. Плохо. Почему? скажу. Деньги – это главное в отношениях. Вы говорите: меж друзей нет расчетов. Если я – твой друг, и тебе нужны деньги, я дам тебе деньги так. Понимаешь? Не в долг, а так. Что дальше? Тот, кто дал, думает: а мог бы и вернуть. Тот, кто взял, думает: надо вернуть бы, совесть грызает. Что дальше? Дружба нарушена, злые мысли, плохие чувства. Нет друзей. Друзья становятся врагами».

Сергей спорил с Ольгой, говорил о бескорыстии в дружбе, но понимал, что где-то она и права. Во всяком случае, она смотрела на мир и видела его без прикрас; жизнь многому научила Ольгу, она родилась в бедной семье и долго и трудно шла к своему нынешнему положению.

Сергей говорил с нею и об Анне Березиной. Что, по ее мнению, двигало этой девушкой? Ольга сказала, что только какое-то очень сильное чувство могло заставить девушку из благородной семьи переодеться в мужское платье и пойти на такую отчаянную авантюру. «Это или любовь, или нена-

висть, Сергей; больше ничего не может быть».

Раднецкий считал так же. Но что – любовь или ненависть? Порой ему казалось, что Анна, действительно, влюблена в него. Порой – наоборот.

Как могла она в него влюбиться? Они не были знакомы, хотя от Елизаветы Борисовны он знал, что Анну привозили четыре года назад на ярмарку невест в Москву, и он вспомнил, что тоже был там в это время. Она могла увидеть его где-нибудь.

Сергей знал, что любовь с первого взгляда, в которую многие не верят, бывает, – так произошло с ним самим, когда он впервые увидел Ирэн. Так почему Анна Березина не могла вдруг влюбиться в него, даже не поговорив с ним, просто встретив однажды?

Еще невозможнее была ее ненависть к нему. За что? Почему? У них не было никаких точек пересечения...

Сергей еще раз пробежал глазами по листкам. Нащокин Андрей Иннокентьевич. Забавно – это имя в самом конце списка, и он не заметил его в первый раз. Такое же незаметное имя, как и человек, носящий его. Однако... Раднецкий нахмурился.

Около полугода назад, в августе, в петергофском парке, были бал-маскарад и фейерверк. На этом последнем случилось маленькое, никем практически незамеченное, происшествие: одного из участников праздника в толкучке ударили ножом в бок.

Удар, по счастью, оказался не смертельным и не задел важных органов, пройдя вскользь по ребрам; но чрезвычайно важным было то, кем был пострадавший. То был сам император, одетый казаком. Напавший на него – некто, одетый гусаром, – скрылся.

Государь, едва его увели во дворец и перевязали, немедленно велел провести тщательное расследование и найти виновного или виновных; естественно, он поручил держать нападение на него в строжайшей тайне.

Под подозрение попали все те, кто знал, какой костюм будет на его величестве на маскараде; таковых было всего несколько человек, и среди них, естественно, флигель-адъютанты его величества.

Раднецкий в тот несчастный день был не на службе, и потому вызывал большее подозрение, чем офицеры, присутствовавшие на маскараде официально. Его несколько раз допрашивали; было плохо и то, что алиби у него не было. Ирэн также была в Петергофе, а он почти целый день провел с Ольгой в Павловске. Они катались на лодке, устроили пикник и занимались любовью под открытым небом. Но впутывать в это дело Ольгу Раднецкий не мог, как не мог признаться в связи с хозяйкой борделя; да и кто поверил бы словам женщины такого пошиба?

Как узнал Сергей от одного их сослуживцев, когда государя ударили ножом, он стоял рядом с некой, одетой одалиской, женщиной и держал ее под руку. А Раднецкому было

случайно известно, что к петергофскому празднику для Ирэн шили восточный наряд.

И это тоже было плохо: удар ножом могли, в конце концов, приписать просто чьей-то пьяной выходке, а не политическому мотиву, – но тут возникала версия и ревности.

Все знали, что Раднецкий очень ревнив. И, если кто-то узнал в стоявшей рядом с императором женщине графиню Раднецкую...

Хотя вряд ли. Государь был очень осторожен, и об его связи с Ирэн никто не знал, кроме нескольких самых приближенных к нему людей, умеющих держать язык за зубами. Конечно, он сам заподозрил своего флигель-адъютанта.

Потому Сергея и вызывали на допросы куда больше, нежели всех других офицеров. Он чувствовал себя униженным; то была вторая пощечина от императора; первую он получил, женившись на тайной любовнице его величества.

В конце концов, однако, допросы прекратились, но Сергей чувствовал: что-то изменилось в отношении к нему государя. Появились холодок, отчуждение.

...И появился Нащокин. Он начал бывать везде, где и Раднецкий. Не сразу Сергей ощутил присутствие этого человека в своей жизни. Нащокин был незаметен и тих. Он нигде не высовывался, не повышал голоса, не делал резких движений. Но все же граф, как опытный охотник, почувствовал слежку. И в один прекрасный день понял, кто преследует его...

И вот – в перечне приглашенных на этот вечер вновь фигурирует имя Нащокина. Безусловно, жена получила приказ от государя включить в список этого человека; иначе лицу его ранга ни за что бы не получить приглашение в дом Раднецких; Ирэн всегда очень тщательно отбирала всех гостей...

Сергей положил на стол бумаги, опустился в глубокое кресло. Что ж, бал так бал. Нащокин так Нащокин. К чертям его собачьим! Он не будет даже думать об этом ничтожном шпике.

Лучше он подумает об Анне Березиной. Быть может, сегодняшним вечером ему удастся еще раз поговорить с ней? Но, скорее всего, она постарается изо всех сил избегать его. Посмотрим. Ждать осталось недолго.

10.

– Ты, Серж, уж прости меня, старуху, за откровенность, с женой обращаешься дурно.

Елизавета Борисовна расположилась в кресле с высокой спинкой в кабинете Раднецкого. Она нарочно заехала днем, чтобы поговорить с ним об Ирэн. И сейчас с неудовольствием наблюдала, как изменилось его лицо, каким оно стало суровым и замкнутым.

– Что вы имеете в виду, тетушка? – холодно осведомился он, присаживаясь на край стола и машинально вертя в пальцах ключ от сейфа, откуда только что достал важные бумаги,

прибывшие ночью с курьером его величества.

– А то сам не знаешь. Характер у нее испортился, она нервная стала, чуть не на людей кидается. А все почему?

– И почему же?

– Сын у нее. За него переживает, душа у нее болит. А ты при себе ее держишь, будто эгоист последний. Отпусти ее в Крым хоть на пару месяцев. Дай с Коленькой повидаться, сердцем отойти.

– Это она вам сказала, что я не пускаю ее в Гурзуф? – резко спросил Сергей.

– Она молчит, да я в ее глазах все читаю. Она страдает, в них слезы стоят постоянно. Как можно так пренебрегать чувствами любимой женщины, Серж? Да, мужчины обычно все такие: ничего не видят, кроме себя, пока им не скажут. Но ты-то, ты! – Она яростно, будто штыком, затыкала в его сторону длинным пальцем. – Ты ведь так ее любишь, – и не видишь, как она несчастна здесь? Поверить не могу.

– Что она несчастна, я догадывался, – медленно, и как будто даже с легким оттенком иронии, произнес граф. – Но вот из-за чего, – на это вы, Елизавета Борисовна, только сейчас мне открыли глаза.

– Да ты будто насмеяться вздумал? Над Ирэн, что ли? Иль уж не любишь ее совсем? – Она даже привстала и вцепилась ему в лицо напряженным взглядом. – Правду говори!

– Люблю, – твердо и сразу выговорил он.

– Если любишь, как можешь так поступать с нею?? Она же

мать! Что для нее дороже, по-твоему, чем собственное дитя? Коля там совсем один. Много ли она его навещала за эти годы? Четыре, пять раз?

– Два, – сказал он, омрачаясь лицом. Генеральша вскинулась:

– Вот видишь! Два! И кто виноват? Ты! Почему держишь ее при себе, почему не отпускаешь чаще?

– Я исправлюсь, тетушка, и в самом ближайшем будущем, – вновь делая холодный вид, ответил ей Сергей. – Как только сойдет снег, и дороги наладятся, Ирэн поедет в Крым к Коле. Вы совершенно правы: свидание с сыном и перемена климата ей необходимы. Это укрепит ее нервы.

– Ну, вот так бы сразу! Это другое дело, – откидываясь на спинку кресла, сказала удовлетворенная генеральша. – Только не забудь, друг мой, что обещал сейчас.

– Не забуду, не беспокойтесь.

– Вот мой покойный Дмитрий Иванович...

Он указал на лежавшие на столе бумаги (сверху находился плотный конверт с императорской печатью и грифом «Совершенно секретно»):

– Тетушка, прошу прощения: у меня много работы, и до вечера я должен ее сделать.

– Что-то срочное?

– Да, очень.

– Понимаю... – она начала вставать, но вдруг приостановилась:

– И еще, Серж.

– Да?

– Касается моих гостей. Березиных. Ты, друг мой, при Ирэн, да и вообще, особо с ними не заигрывай. Она ревнует, волнуется. Понимаю, что ты не со зла, но девушки молодые, им замуж надо, а ты – женатый мужчина. Они под моей опекой, я за них отвечаю, и краснеть перед их матерью, да и перед всем петербургским светом, не хочется. Только не говори ничего, – я же видела, как ты с Алиной Березиной любезничал.

– Больше такого не повторится, обещаю вам и это, тетушка, – усмехнулся Сергей.

– Вот и славно, – генеральша, наконец, поднялась и протянула ему руку, которую он с готовностью поцеловал. – До свидания, мальчик мой, до вечера. И помни, о чем я тебя просила.

– Непременно.

– И не провожай, не надо, раз дела у тебя.

Едва за тетушкой закрылась дверь, Сергей в бешенстве смахнул со стола бумаги, и они рассыпались по всему кабинету. Почему он должен был выслушивать все это, как провинившийся мальчишка?! О, как часто ему становилось мерзко, что он играет роль любящего мужа, и никто не догадывается об истине! И сегодня он снова испытал это отвратительное чувство. В бессильной злобе он метался по кабинету, кусая костяшки пальцев.

Значит, Ирэн страдает в разлуке с сыном?? Так они думают? Он горько усмехнулся. Да, она была в Гурзуфе всего два раза: в первый пробыла там лишь день, вернулась в жутком состоянии, рыдала, чуть не билась головой о стены. Коля был тогда особенно плох, ему было меньше года, врачи считали, что едва ли он выживет.

Во второй раз они отправились вместе, когда Коле было три; и тогда Раднецкому еле удалось уговорить ее поехать. Эту поездку он вспоминал с содроганием. Ирэн всю дорогу в Крым плакала и повторяла, как она страшится этого свидания; не помогали никакие уговоры и убеждения, она выглядела так, будто едет не к живому сыну, а к его гробу. Сергей, в конце концов, начал просто и сам бояться встречи Коли и его матери; он даже думал оставить жену где-нибудь на полдороге и ехать дальше один.

Он опасался не зря: Ирэн, конечно, пыталась сдерживаться при Коле, но выглядела до того натянутой и неестественной, что даже напугала сына, остро чувствующего все настроения взрослых. А, едва Сергей увел ее, – ударилась в жуткую истерику, хотя, на взгляд Раднецкого, Коля выглядел гораздо лучше, нежели прежде.

Они вынуждены были поселиться в гостинице, и больше Ирэн не навещала Колю, Сергею приходилось каждый раз находить отговорки для сына, почему она не пришла. Это было тягостно и невыносимо – лгать ребенку, ведь он так мечтал о том, как приедет мама...

Раднецкий, наконец, остановился, посмотрел на разбросанные по ковру документы и принялся собирать их, укоряя себя за очередную вспышку. Он обязан лучше следить за своими чувствами и держать их под контролем. И, пожалуй, тетя права: надо прекратить преследовать Анну Березину, да и от ее сестры держаться подальше... Но все-таки: что заставило Елизавету Борисовну сделать ему замечание насчет Ирэн и ее расшатанных нервов? Здесь наверняка скрывается что-то, о чем он не знает.

Он подумал немного, затем пожал плечами, уселся за стол и распечатал конверт с императорской печатью. Дел, действительно, было немало, а до вечера осталось не так уж долго.

Аня готовилась к этому балу особенно тщательно, будто девушка, впервые выходящая в свет. Прежде всего, она выбрала платье: бледно-зеленое, – отвратительный, нелюбимый ею цвет. Зато он был очень моден в этом году; и, хотя он делал цвет Аниного лица землистым и нездоровым, сознание того, что она не будет слишком выделяться в толпе, решило дело в его пользу. Алина, увидев сестру в этом платье, презрительно засмеялась и сказала, что Аня стала похожа на ящерицу; но Аня нисколько не обиделась.

Затем, был выбран довольно вместительный ридикюль, в который были положены запасная пара перчаток и пистолет: последней модели, он был вручен подпоручику Столбо-

ву командиром полка за храбрость, – Андрей спас одного из товарищей, который чуть не утонул при переходе вброд реки на учениях.

Аня прекрасно умела обращаться с этим пистолетом; она много тренировалась в Шмахтинке, и иногда ей даже снилось, что она стреляет и стреляет по мишени.

Наконец, была написана измененным почерком записка, которая должна была сыграть свою роковую роль; Аня даже радовалась теперь, что встретила с графом Раднецким при столь необычных обстоятельствах и вызвала такой к себе интерес с его стороны; она была уверена, что послание это заинтересует его и заставит поступить так, как было ей, Ане, нужно.

Конечно, следовало бы сначала разузнать подробнее, где находится эта самая «библиотека», которая фигурировала в записке, и как она выглядит. То, что она в особняке графа наличествует, Аня не сомневалась; но вот подходила ли эта комната для ее плана? Но оставлять свободное место в записке и дописывать уже на самом вечере было проблематично: пришлось бы просить письменные принадлежности, а это, опять-таки, могло привлечь к ней лишнее внимание...

Теперь нужно было лишь незаметно и лично в руки передать письмо. Вот это вызывало некоторые сомнения; но Аня надеялась, что Раднецкий вновь начнет преследовать ее, и ей удастся передать ему записку незаметно.

...Однако сделать это оказалось делом крайне сложным. Граф как будто нарочно решил избегать ее; Аня несколько раз встретила с ним глазами и даже попыталась призывно улыбнуться ему (внутри вся пылая от стыда за эту отвратительную уловку), но Раднецкий словно испугался этих ее взглядов и отошел подальше, а после улыбки и вовсе ретировался на другой конец залы.

«А чего ты хотела? – думала Аня, зло обмахиваясь веером. – Он уже потерял к тебе всякий интерес. Не тебе, с твоей жалкой внешностью, строить ему глазки».

Она невольно сравнивала Раднецкого с другими мужчинами на вечере, и вновь вынуждена была признаться себе, что он очень хорош собою. Не так, как Андрей, по-другому, но все же...

В Андрее было много мальчишеского. Он был из породы тех мужчин, которые до старости остаются внешне юношами. Чуб, по-деревенски лихо падающий на смеющиеся теплые глаза, румянец на щеках, веселая дерзкая улыбка, почти всегда изгибающая губы...

Раднецкий был полной противоположностью, кроме разве что фигуры, – хотя Андрей был немного худощавее, – и роста. Черный костюм, – Раднецкий был в партикулярном платье, – очень шел ему, хотя граф был мрачным и холодным и выглядел старше своих лет. На лбу уже прорезались тонкие морщины, рот был всегда крепко сжат и, хотя Аня видела, как он улыбается, в этой улыбке было что-то неестественное,

потому что глаза оставались ледяными, – как вода в проруби ночью.

И все же... все же он привлекал к себе, а не отталкивал; и Аня видела, как многие женщины провожают его откровенно восхищенными взорами. Возможно, они находили его мрачность очаровательной, а в его угрюмости им виделось нечто байроническое, загадочное, – нечто такое, что каждая из них втайне надеялась разгадать?

Аня с досадой захлопнула веер. Ей все равно, что все эти дуручки видят в Раднецком. Ей он – враг, и самый лютый. И сегодня вечером она покончит с ним. Во что бы то ни стало! Вот только как передать ему записку??

Она обводила глазами толпу и внезапно встретилась взглядом с Нащокиным. Он слегка наклонил голову в знак того, что видит ее. Аня вынуждена была улыбнуться и ответить ему тем же. Она надеялась, что он не станет приглашать ее на танец, и пока он оправдывал ее ожидания. Зато Али-на была в центре внимания, ее карне был расписан на весь вечер. Естественно, Марья Андреевна не сводила с дочери сияющих глаз, и Аня могла рассчитывать в любой момент улизнуть незамеченной.

Вдруг произошло какое-то замешательство в толпе гостей, все словно расступились, – и Аня увидела совсем рядом знакомую фигуру. Император! Он был в штатском и одет весьма скромно, – он и прибыл на бал как лицо частное, и об его появлении даже не сообщили.

Аня видела, как он прошел сквозь толпу и поцеловал руку графине Раднецкой. Графиня просияла. Затем к его величеству подошел хозяин дома, но государь довольно небрежно кивнул ему головой и тотчас отвернулся вновь к его жене. Раднецкий развернулся на каблуках и отошел прочь; Ане показалось, что в душе он клокочет от гнева, хотя внешне остался совершенно невозмутим.

«Как же передать ему записку? – вновь замелькало в Аниной голове, – если не сегодня, – то никогда. Государь здесь; все взгляды на нем; лучшего случая не представится...»

Оставалось, в ее затруднительном положении, одно: и она подозвала проходящего мимо лакея. Она нарочно отошла подальше от маменьки, повернулась так, чтобы свет не падал на нее, и прикрыла лицо веером.

– Прошу вас, передайте это графу Раднецкому, – сказала она как можно небрежнее и, в то же время, старательно изменив голос, и вложила в услужливо протянутую ладонь свою записку. – Только в собственные руки.

– Не извольте беспокоиться, мадам, тотчас передам, – и слуга с низким поклоном исчез в толпе. Он становился свидетелем, и важным; но Аня уже решила, что, если ее и обвинят, она просто будет все отрицать; впрочем, до этого вряд ли дойдет...

Теперь ей нужно было найти библиотеку. Пользуясь тем, что Марья Андреевна и Льветарисна затеяли оживленный разговор с какою-то знакомой дамой, она потихоньку ото-

шла от них и вскоре оказалась у дверей бальной залы. Где же нужная ей комната? Мимо несколько раз пробежали лакеи с подносами, уставленными прохладительными напитками; но спрашивать их, как пройти в библиотеку, было нелепо.

Аня двинулась вперед, делая вид, будто ей просто стало душно, и она решила пройтись по комнатам. Вскоре она оказалась перед анфиладой, вероятно, личных покоев Раднецких; она наугад повернула влево... и встала перед задернутыми, цвета мха, плотными портьерами. Раздвинув их, Аня увидела застекленные двери, открыла их, вошла – и поняла, что оказалась в нужном ей месте.

Это была просторная библиотека светлого дерева, заставленная двустворчатыми шкафами с книгами. Резной потолок ее был покрыт ромбовидным узором; над каждым шкафом в нишах стояли бронзовые бюстики поэтов и писателей. В центре, прямо напротив входа, находился большой стол с изогнутыми ножками, а на нем – красивая бронзовая лампа под зеленым абажуром; она была зажжена и создавала приятное ощущение уюта и желание присесть и погрузиться в чтение. Вокруг стола расставлены были стулья, по углам – мягкие кресла. Зеленый одноцветный ковер покрывал весь пол; большие окна были занавешены шторами того же цвета.

Напротив дверей, в которые вошла Аня, находились такие же, тоже задернутые снаружи портьерами. Это очень обрадовало Аню. Запасной выход мог пригодиться! Она вышла через эти двери, направилась снова наугад, и вскоре вновь

оказалась у знакомой анфилады, сделав круг.

...Она вернулась, уже знакомым путем, обратно в балльную залу, очень довольная. Лучшего места для задуманного ею и представить было нельзя.

Ане теперь нужно было только ждать; до мазурки, во время которой она просила графа о встрече, было довольно времени, но сердце ее уже колотилось так, будто это время настало...

«Ваше сиятельство, прошу Вас уделить мне несколько минут в вашей библиотеке во время мазурки», – вот и все, что говорилось в ее письме. Подписалась же Аня: «Катя с Итальянской». Это должно было все объяснить графу.

Минуты тянулись долго и мучительно; Аня не видела в густой толпе Раднецкого и не могла знать, получил ли он ее записку. Вальс; полонез; полька; снова вальс...

Она уже едва дышала от волнения, когда, наконец, грянула мазурка; толпа сгустилась, и по ней прошел шепоток; а Марья Андреевна устремилась вся вперед, потому что первым свою даму, которой была ни кто иная, как ее дочь, вывел сам император. И в тот же миг позади Ани раздался знакомый негромкий голос:

– Добрый вечер.

Она оглянулась. Позади стоял Раднецкий и смотрел на нее темными пристальными глазами.

– Идемте, – вот все, что он сказал. Он повернулся и направился к дверям. Она судорожно слотнула – и последова-

ла за ним, как кролик за удавом...

«Мой дорогой Андрей! До развязки всего несколько часов. Скоро мы выезжаем к Р. Я написала ему записку. Я уверена, он захочет встретиться со мной.

Это произойдет во время мазурки. Громкая музыка не позволит, надеюсь, никому услышать звук выстрела. На всякий случай я взяла с собою запасные перчатки, – я могу случайно испачкать руки в *его* крови.

Не бойся за меня, любимый. Мне ничего не будет, я все продумала. Я убью его и вложу ему в руку пистолет. Это будет выглядеть как самоубийство. Да и кто меня может заподозрить? У меня нет мотива, мы почти незнакомы. А несчастье с тобою случилось слишком давно, и всеми уже забыто. Кроме меня.

Я не боюсь. Не боюсь! Не боюсь!! Все это ради тебя, Андрей, любовь моя!

Твоя навсегда, Annette».

11.

Они прошли уже знакомым Ане путем. Слава богу, никто не встретился им по дороге. Граф шел впереди; следуя за ним и глядя ему в спину, Аня остро ощущала исходящие от него мощь, уверенность и властность. Было как-то невозможно представить, что она, такая маленькая, хрупкая и беззащитная рядом с этим крупным сильным мужчиной, смо-

жет через считанные минуты лишит его жизни, увидеть его распростертым на полу, услышать его последний вздох...

Комок подступил к горлу, ладони вспотели. Она сглотнула, провела руками по юбке. Еще не хватало, чтобы пистолет в самую ответственную минуту выскользнул из пальцев!

И вот Раднецкий распахнул портьеры, открыл двери и повернулся к ней, приглашая войти первой. Когда оба они оказались в библиотеке, он вновь запахнул занавеси и плотно закрыл двери, как бы отрезая себя и Аню ото всего внешнего мира.

Граф отодвинул от стола один из стульев и знаком предложил его Ане, но она отрицательно покачала головой. Он не стал настаивать, сам же присел на край стола и скрестил на груди руки. Лицо его ничего не выражало, – возможно, только легкий оттенок светской скуки, – но Аня знала, что это лишь маска, и ему не терпится узнать, почему она пригласила его сюда.

Она встала в четырех шагах от него, – достаточно далекое расстояние, чтобы он не мог напасть на нее, и достаточно близкое, чтобы не промахнуться.

– Итак, мадемуазель Березина, – произнес он, – о чем вы хотели поговорить со мною в столь приватной обстановке?

Аня начала было говорить, но рот пересох, и ей пришлось откашляться. Граф терпеливо ждал. Наконец, она сказала:

– Сначала верните мне мою записку.

– О, да. Столь компрометирующий документ в руках та-

кого негодяя, как я, – этого нельзя допустить, – он усмехнулся, извлек из нагрудного кармана письмо и протянул ей. Она шагнула вперед, взяла записку и тут же отступила на то же расстояние.

– Ну, а теперь, – спросил Раднецкий, – когда я уже – уввы! – не смогу шантажировать вас вашим письмом, – вы скажете, зачем позвали меня сюда?

Аня глубоко вздохнула. Минута была решающая. Как часто ей представлялась эта сцена: как она бросает в лицо графу Раднецкому обвинение, как держит его на прицеле и спускает курок... И вот это превратилось в реальность.

Он недостойн жить. Он негодяй, без чести и совести. Ее рука не должна дрогнуть, когда она будет стрелять в него... Но отчего тогда, когда он смотрит на нее, как сейчас, пристально и внимательно, решимость ее расплывается, как снежная куча под весенним солнцем? Почему слабеют ноги, а сердце подскакивает к горлу?

«Это от страха. Но я обещала Андрею не бояться! Не буду, не буду бояться! Мое возмездие справедливо, не я должна трястись от страха, а он!»

И Аня медленно, с расстановкой произнесла:

– Пять лет назад, зимою, в декабре, в Царском Селе у вас состоялась дуэль, граф Раднецкий.

– Верно, – он слегка поднял бровь и посмотрел уже с большим интересом, и в то же время и с недоумением. – Но почему вы вспомнили эту старую историю, мадемуазель? Я по-

лагал, вас привело сюда нечто иное... – Он интимно понизил голос, заставив Аню вскипеть от злости.

– Молчите! – перебила его она. – Скоро вы все поймете. И так, у вас была дуэль. Тот, с кем вы дрались... Это был... молодой офицер ...ского полка, – хрипло продолжала она.

– Тоже верно.

– Из-за чего вы повздорили?

Раднецкий слегка наклонил голову, будто вспоминая.

– Из-за женщины, как всегда почти бывает. Если быть точным – из-за моей жены.

Так она и знала! Пустая ревность. Что была Андрею Ирина Раднецкая, если он любил всю жизнь, с самого детства, ее, Аню??

– Вы помните, как звали того офицера? – она была, впрочем, уверена, что он не помнит.

– Подпоручик Столбов. Андрей Столбов, если не ошибаюсь, – спокойно ответил Раднецкий.

– Вы убили его?

– Да. Наповал.

Аня испытала прилив бешенства, видя, как небрежно он говорит это, и какое невозмутимое у него лицо. Как он смеет быть так хладнокровен, убив человека?? Ни за что, просто так, из глупой ревности!!

– Так вот... – она убрала руки за спину и правой начала нащупывать в ридикюле ручку пистолета, – этот молодой офицер... Андрей Столбов... Я пришла сюда, чтобы обви-

нить вас в его убийстве.

Аня уже держала пистолет; теперь она резким движением выставила оружие вперед, направив в грудь Раднецкому. Она ожидала, что граф немедленно вскочит, что вскрикнет, что побледнеет от испуга... Чего-то в этом роде; но он остался сидеть, как ни в чем не бывало, и даже странная улыбка появилась на его губах.

– Вы умеете им пользоваться? – спросил он заботливо, так, будто речь шла о каком-то обыкновенном предмете, – и, ответив она «нет», он тотчас показал бы ей.

– Не сомневайтесь, – процедила Аня, взводя курок и кладя палец на спусковой крючок.

– И патроны там есть? Знаете, такие маленькие металлические штучки...

Да он просто издевается!!

– Заткнитесь.

– О, какое необычное слово из столь прелестных женских уст! Впрочем, я и забыл, – для уличного мальчишки Кати, да еще и побывавшего в борделе, такие слова вполне подходят.

Он просто заговаривает ей зубы, – наконец поняла Аня. Он боится, конечно, страшно боится! А это все – бравада, и попытка либо оттянуть неизбежное, либо отвлечь ее внимание и кинуться на нее.

Она крепче сжала рукоять пистолета.

– Граф Раднецкий, – сказала она голосом, в который вложила уже не свои чувства к нему: ненависть и презрение,

хоть они и переполняли ее, – а торжественность, доказывающую, что она совершает не месть, а правосудие, – граф Раднецкий, я обвиняю вас в убийстве моего любимого... брата, Андрея Столбова... и приговариваю к смерти.

– А как же мое последнее слово? – насмешливо возмутился он, приподнимаясь и, кажется, все еще не веря, что она, действительно, нажмет на спуск... Еще мгновение – и раздался выстрел.

– А где же наша Анюта? – спросила Елизавета Борисовна у Марьи Андреевны. Та, откровенно купающаяся в счастье танцующей с государем дочери, медленно повернулась к ней.

– Что?

– Анечка где?

– Не знаю. Тут только что была, – равнодушно пожала плечами Марья Андреевна.

– Да вот она! – генеральша указала рукою, улыбаясь; но тут улыбка сползла с ее лица, и без того выпученные глаза совсем почти выкатились из глазниц. – О, Господи, да что ж это с ней?

Аня подходила к ним. Челюсть у нее тряслась, лицо было белое, словно присыпанное пудрой, а глаза почернели, будто обугленные.

– Я... убила... – начала она, тихо и задыхаясь.

– Девонька моя, да ты присядь, присядь! – засуетилась Льветарисна, усаживая Аню в угол на стул. – Лица на тебе

нет! Что случилось?

– Я... убила... – повторила Аня.

– Кого? Кого убила? – явно озабоченная больше ее видом, нежели словами, спросила тетушка.

– Графиню... Раднецкую, – наконец выговорила до конца Аня.

– Вот те раз! – всплеснула руками генеральша. – Марья Андревна, видно, нехорошо Аняте. Надо ее домой отвезти, заговаривается она.

– Нет, – Аня вцепилась ей в руку, вперив ей в лицо неподвижный взгляд, – не заговариваюсь. Я, правда, убила.

– Да... как же это? – растерянно молвила Льветарисна. Марья Андреевна застыла изваянием; в отличие от генеральши, она сразу поняла, что тут не бред.

– Из пистолета. Застрелила. В библиотеке. Я хотела... графа Раднецкого. За Андрея. Он убил Андрея, – вы знаете? Я хотела выстрелить. И вдруг... Раздался крик... Моя рука дрогнула. Я промахнулась. И... я увидела... как упала графиня Раднецкая. Ее голова... вся в крови. Я ее убила. Я убежала оттуда...

– Марья Андреевна, да что ж это такое? Анята, голубка, да правду ли ты говоришь? – бормотала Льветарисна, тоже бледнея до синевы.

– Я... убийца... Мне нет прощения! – вдруг выкрикнула Аня, вскочила – и бросилась к дверям.

– Анечка! Голубка! Куда? За ней надо! Марья Андревна,

да не стой же, как пугало на огороде; беги за ней, останови, а я в библиотеку!

И, не обращая внимания на, вероятно, донельзя оскорбленную эпитетом «пугало» Марью Андреевну, не собирающуюся как будто двигаться с места, генеральша ринулась в библиотеку...

12.

Когда она вбежала, Раднецкий стоял на коленях и поддерживал голову жены, одною рукой прижимая к ее виску носовой платок, пропитанный кровью.

– Праведный боже! Ирэн! – воскликнула генеральша. – Убила! Впрямь убила!!

Раднецкий оглянулся на нее. Он был очень бледен. Но голос его был вполне спокоен.

– А, Елизавета Борисовна. Вы уж знаете? Аня сказала? Не волнуйтесь, Ирэн жива. Пуля всего лишь задела висок.

– Серж, ты уверен?..

– Совершенно. Аня... Анна Ильинична стреляла не в нее. В меня. Уверен, – он угрюмо усмехнулся, – она бы не промахнулась. Но Ирэн вскрикнула и тем меня спасла. Рука Анны Ильиничны дрогнула. Однако надо перенести ее в кресло, – он осторожно поднял тело жены, но тут Льветарисна заметила, что лицо его кривится.

– А с тобой что? Ну-ка... – она подошла вплотную и дотронулась до его руки выше локтя. – Да и у тебя кровь,

Серж!.. В рукаве дырка...

– Пустяки, – отмахнулся он, – просто чиркнуло. – Он положил Ирэн в одно из кресел и вновь отер кровь с ее лица.

– Если у нее царапина, почему она не приходит в себя? Соли есть в твоём доме? Послать надо, – сказала Льветарисна, но тут же спохватилась: – Дура я старая, дура! нет, тут надо осторожно! Чтоб не знал никто... Что ж ты в библиотеке не держишь ничего, ни воды, ни вина? Побрызгать в лицо бы бедняжке...

– Она придет в себя сама, не волнуйтесь так, тетушка. Надо же, это была просто сцена с Полонием. Только крыса, ставлю золотой, жива, – пробормотал он.

– Какая крыса? – рассердилась генеральша, не поняв. – Ты об Ирэн, что ли? Разве так можно об родной жене? Она в обмороке, а ты смеешься!..

– О, я абсолютно серьезен, – отозвался Сергей.

– Да как же произошло все? – спросила Льветарисна. – Аня ничего не объяснила толком. Хоть ты скажи, бога ради, иначе нервы мои совсем не выдержат!

– Анна Ильинична желала мне отомстить за смерть своего брата, Андрея Столбова, которого я пять лет назад убил на дуэли. Я и не знал, что он был ее братом. У них разные фамилии. Как это возможно?

Генеральша нахмурилась.

– Марья Андреевна по первому браку Столбова. Овдовела и вышла замуж за Илью Иваныча Березина, имея сына.

Андрюше тогда девять было, а Ане, дочери Ильи Иваныча тоже от первого брака, шесть. Очень она привязалась к сводному брату, как родные они стали друг дружке... Что касается вашей с Андреем дуэли, – ту несчастную историю было решено ото всех скрывать. О подробностях знали только я, отец Анин да его родной брат Михаил Иваныч. Даже матери Андрея не сказали. И как Анюта узнала, что ты убил ее брата, – ума не приложу. Не должна была.

– Теперь понимаю, – складка прорезала лоб Раднецкого. Ту дуэль он помнил очень хорошо, – и даже слишком. Потому что убивать Столбова он не хотел и не собирался. Началось все с одного офицерского сборища, на которое Сергей попал случайно; тогда как раз был поставлен Коле диагноз, и решено было отправить его в Крым. Сергей очень переживал, нервы у него были расшатаны. Он несколько раз срывался и запивал, таскался по клубам и веселым заведениям самого низкого пошиба.

Когда Раднецкий вошел, подпоручик Столбов, уже сильно пьяный, как раз громко хвастался победой над некой графиней, в которой Ирэн было угадать совсем не трудно.

Последовала пощечина; за нею тут же вызов. Дрались они на другое утро, позднее, серое и промозглое, – в Царском Селе, у пруда, под дубами. Погода была дрянная, какая бывает в декабре: шел мокрый снег, валил хлопьями, затрудняя видимость уже в нескольких шагах; а стрелялись в сорока.

Столбов, как оскорбленный, стрелял первым, – и промах-

нулся. Сергей собирался стрелять в плечо противнику; с зарвавшегося подпоручика, на взгляд Раднецкого, этого было довольно. Но, то ли помешал снег, то ли Столбов дернулся, нервы не выдержали... Пуля прошла навывлет через сердце; он умер на месте, мгновенно, даже врач не успел подбежать.

– Она в себя приходит! – вскрикнула между тем обрадовано генеральша. – Серж, видишь?

– Вижу.

Золотистые ресницы Ирэн в самом деле затрепетали, губы приоткрылись, и с них слетел легкий стон.

– Ирэн, милая! – захолопотала вновь Льветарисна, обмахивая ее веером. – Очнись, голубка!

Графиня открыла глаза и обвела комнату мутным взором. Но постепенно взор ее прояснился. Она остановила его на муже и всхлипнула:

– Я... умираю, Серж? Да?

– Вы не умрете, мадам. Пуля всего лишь задела голову.

– Голову... Моя голова... – Ее рука медленно приподнялась и дотронулась до виска. Затем Ирэн поднесла пальцы к глазам и, увидев на них кровь, в ужасе вскрикнула.

– Серж!.. Мое лицо! Я изуродована!..

– С вашим лицом все в порядке, мадам.

– Эта записка... – забормотала Ирэн, кажется, слегка успокоенная его твердым невозмутимым голосом, – я думала, она любовная. Лакей передал мне... Я пришла и спряталась... О, если б я знала, зачем эта сумасшедшая позвала

вас!.. – Она снова начала всхлипывать.

Сергей криво улыбнулся. Он сразу понял, что Анину записку перехватила жена, потому и оказалась за портьерой: почти все слуги в доме были ею подкуплены, и практически все письма, приносимые в дом, она прочитывала. Она не побрезговала однажды распечатать даже корреспонденцию императора, которую, по долгу службы, в своем домашнем кабинете разбирал Раднецкий. С тех пор он убирал все документы, приходящие на его имя, в несгораемый сейф в своем кабинете, шифр от которого знал только он сам, а ключ носил с собой.

– Ирэн, дорогая, – сказала генеральша, – не плачь, голубка. Мы здесь, с тобою! Все хорошо...

Но было нехорошо. Двери позади них вдруг распахнулись, и в библиотеку шагнул ни кто иной, как сам государь. За ним тенью следовал Нащокин.

– Что здесь происходит? – спросил император, вперяя орлиный взор в кресло, в котором полулежала раненая, и в своего адъютанта и генеральшу, склонившихся над нею.

Ирэн предпочла вновь лишиться чувств, – и Сергей, которого отнюдь не обманул этот мнимый обморок, успел подумать, что спектакль продолжается, но теперь уже превращается из трагедии в трагикомедию.

Однако император уже был возле кресла.

– У вашей жены кровь! Она ранена? – спросил он.

– Ваше величество, – вмешался Нащокин. Он поднял с пола брошенный Аней пистолет и показал его императору. – Я не зря позвал вас, услышав звук выстрела. Здесь явно произошло преступление. – Он торжествующе посмотрел на Раднецкого, и тот понял, что недооценивал Нащокина: тот был не просто шпион, но и враг его.

– Андрей Иннокентьевич, вы что-то видели? – спросил император.

– Ваше величество, я увидел через стеклянную дверь графиню. Она лежала на полу, господин Раднецкий стоял над нею. Я немедленно поспешил за вами...

– Так что же здесь произошло, граф? – спросил император, обращаясь к Сергею. – Отвечайте немедленно!

Молчать далее было бессмысленно; и Раднецкий спокойно и твердо произнес:

– Ваше величество, я стрелял в свою жену. Но промахнулся. Пуля лишь задела висок.

Генеральша хотела вмешаться, но Сергей бросил на нее предостерегающий взгляд.

– Елизавета Борисовна, а вы? – обратился к ней император. – Как вы очутились здесь?

– Я... ваше величество, я... случайно. Как и господин Нащокин, услышала звук выстрела, и решила посмотреть, что здесь... – проямлила та.

Лицо государя медленно наливалось кровью. Он грозно посмотрел на Раднецкого:

– Вы стреляли в жену? Но... за что?

– Из ревности, государь.

Император немного смешался. Но тут же смущение сменяла ярость.

– И вы так хладнокровно признаетесь в этом? Я вижу, что напрасно попустительствовал вам! Прощал вам эти дуэли... Я должен был давно заняться вами и наказать по всей строгости! Как вы могли стрелять в собственную жену, мать вашего сына, в беззащитную слабую женщину? Вы, русский офицер, дворянин? Да я вас за это... под трибунал! в Сибирь! в кандалы!

Ирэн поняла, что ей надо приходиться в себя, иначе бешенство императора могло пойти слишком далеко. Она застонала и открыла глаза.

– Мадам, – сказал ей император, наклоняясь над нею, – как вы себя чувствуете?

– Благодарю вас, ваше величество, – пролепетала Ирэн, – голова болит... немного.

– Это правда, что ваш муж стрелял в вас? – спросил государь. Генеральша с Раднецким переглянулись.

– О... я не помню... – пробормотала Ирэн.

– Как не помните? – удивился император.

– Вернее... да... наверное, это был Серж... Голова болит... простите...

Сергей усмехнулся про себя. Ирэн можно было понять: сказав всю правду и обвинив Анну Березину, она ничего

не выигрывала. А, указав на мужа, как на стрелявшего в нее, она могла добиться многого.

– Серж... не так виноват... – продолжала Ирэн угасающим голосом, – простите его...

– Ваше величество, – сказал Нащокин и, когда император оглянулся к нему, начал что-то шептать ему на ухо. До Сергея долетели тихие слова: «последствия», «репутация», «честь семьи». Постепенно естественный цвет лица возвращался к государю. Он кивнул Нащокину и обернулся к Раднецкому:

– Граф, ваша жена нуждается в осмотре врача и отдыхе. Немедленно распорядитесь.

– Слушаюсь, ваше величество.

– Мы считаем, что ранение графини лучше всего приписать случайности: стало плохо, упала, ударилась головой... об угол этого столика, например.

Сергей кивнул.

– Однако это не значит, что вы прощены или что не будете наказаны за ваш... отвратительный поступок, – продолжал сурово император. – Сейчас я сажаю вас под домашний арест. Из дома ни ногой, граф. Вам понятно?

– Да, ваше величество. – Сергей вновь наклонил голову.

– Позже мы решим, как поступить с вами... А пока мы возвращаемся на бал. Никто не должен узнать о произошедшем здесь инциденте. Елизавета Борисовна, господин Нащокин, – следуйте за мной. Граф, надеюсь, позже вы появи-

тес в бальной зале также. Вы проводите гостей и извинитесь за супругу, которой немного нездоровится.

И он, сопровождаемый невозмутимым Нащокиным и растерянно оглядывающейся генеральшей, вышел из библиотеки.

13

Через каких-то минут двадцать (бал еще был в разгаре) Ирэн уже лежала в своей спальне, и Карл Витольдович Швейцер, семейный врач Раднецких, живший совсем неподалеку, осматривал ее.

Переодевшийся у себя Сергей нервными большими шагами мерил смежную комнату; он не ожидал услышать от доктора ничего нового, – царапина на голове Ирэн не могла дать повода для каких-то особых тревог. Но рука, которую он кое-как перетянул выше раны, начала болеть, и эта боль с каждой минутой становилась все сильнее.

А Карл Витольдович что-то задерживался, и Раднецкому пришла в голову совершенно нелепая мысль: не смазала ли Аня пулю ядом. Для верности, – почему бы нет? Эта странноглазая девчонка на все способна. Он криво улыбнулся и потер руку. Черт побери, почему такие несерьезные раны всегда так невыносимо болят?

О последствиях выстрела и угрозе императора наказать виновного Сергей почти не думал. Он знал, что Ирэн сделает все, чтобы защитить его от гнева государя.

А вот Анна Березина... Где она сейчас? Когда она увидела, как из-за портьеры появилась с окровавленной головой и рухнула на ковер Ирэн, она пришла в неопишувемый ужас, бросила пистолет и опрометью выскочила из библиотеки. Но, не вскрикнув жена, Раднецкий знал наверное: Анна убила бы его. Ее рука бы не дрогнула, и она бы не промахнулась. Какие молнии сверкали в ее глазах, каким решительным было лицо! И... как же она была хороша в тот миг! Удивительно.

– Ваше сиятельство, – врач приоткрыл дверь, оторвав Раднецкого от мыслей о прекрасной мстительнице, – можете войти.

Сергей шагнул в спальню жены. Он был здесь всего один раз – в ту ночь, когда Ирэн родила Колю. Да, тогда он так же вышагивал по соседней комнате, и так же был позван врачом... Ирэн мечтала о сыне, он же, – частью в пику ей, частью из других соображений, – хотел девочку. Но, едва взяв на руки мальчика, понял, что ничего дороже этого малыша у него нет и не будет...

Ирэн сидела в кровати, прикрытая по пояс атласным голубым одеялом. Золотистые волосы ее, мелко вьющиеся, красиво рассыпались по плечам и груди, нежно-голубая ночная рубашка на тонких бретельках, из полупрозрачного батиста, почти не скрывала соблазнительные округлости тела.

Когда муж вошел, Ирэн слегка, будто невзначай, повела плечом, – и одна из бретелек упала, а грудь почти обнажи-

лась. Раднецкий видел ее отчетливо – высокую, упругую; видел темные выпуклые пуговицы сосков и более светлые ореолы вокруг них... и в который раз поразился самому себе, что ничто в этой очаровательной женщине не будит в нем естественного желания.

Он повернулся к врачу, лицо которого было торжественно; даже стекла пенсне на носу излучали некую важность.

– Итак, Карл Витольдович, ваше заключение? – отрывисто спросил Сергей.

– Что касается раны на виске, тут все будет в порядке, – сказал доктор. – Я обработал ее, швы накладывать не нужно. Шрама не будет, госпожа графиня может быть совершенно спокойна, так же как и вы.

– Я рад, – сухо произнес Раднецкий. – И, если это все...

– Это не все, – таинственно улыбнулся врач, – есть еще кое-что, о чем ваша супруга разрешила мне сообщить вам.

– Что же? – недоуменно спросил Сергей.

– Головокружение и обморок, которые привели к этой маленькой травме, – дело естественное. Ваша супруга в положении. Поздравляю вас, ваше сиятельство: через шесть месяцев вы вновь станете отцом!

От такого «приятного» сообщения у Сергея все поплыло перед глазами. Он, наверное, сильно изменился в лице, потому что врач взял его за руку и спросил встревожено:

– Вам нехорошо, граф?

– О нет, все в порядке, – выдавил Раднецкий. – Просто...

не ожидал.

– Я так обрадовалась, услышав от Карла Витольдовича эту новость! – услышал он счастливый голос Ирэн. – Я бы хотела подарить вам дочь, Серж, а нашему дорогому Николаю – сестренку. Но, кто бы это ни был, – мальчик или девочка, – это будет долгожданный ребенок, господин доктор. Граф давно мечтает об еще одном малютке.

Сергей скрипнул зубами. Однако хладнокровие возвращалось к нему, и он подумал, что Ирэн специально попросила врача сообщить ему эту новость; в присутствии постороннего он не мог позволить себе ни одного лишнего слова и движения. И еще пришло ему в голову, что она не зря так старалась эти последние недели заманить его в свою постель; она, конечно, не сейчас узнала, что беременна; и, если бы он поддался ей...

Хотя – какая разница, поддался бы он или нет? Судя по ее безмятежному виду, она прекрасно понимает, что является хозяйкой положения.

– Полагаю, – сказал доктор, – вы хотите остаться наедине с супругой, ваше сиятельство.

Сергей кивнул.

– Я пока, если позволите, напишу рецепт и пошлю к аптекарю за лекарством для вашей жены. Ей нужны обезболивающее и успокоительное, и на желудок она пожаловалась.

– Вас проводят в мой кабинет, Карл Витольдович. Там есть все письменные принадлежности. Благодарю вас, – про-

изнес Раднецкий.

Едва дверь за врачом закрылась, он подошел к кровати жены.

– Поздравляю, мадам, – он отвесил Ирэн шутовской поклон. – От всей души. Один маленький вопрос, не сочтите за дерзость. Чей это ребенок? – Он был уверен, что ребенок не от императора; тот давно охладел к Ирэн.

Она надменно вскинула голову.

– Это ваш ребенок, Серж. Мой и ваш. И другого ответа вы не дождетесь!

– Признаться, и не ждал. Есть такая русская поговорка; едва ли вам она будет, конечно, понятна... Назвался груздем – полезай в кузов. Я назвался им слишком давно. Так что деваться мне некуда, полезу в любой кузов, который вы изволите мне подставить. – Он разразился смехом – не истерическим, а самым настоящим, искренним. Ирэн, не ожидавшая такой реакции, растерянно смотрела на него, и это веселило Сергея еще больше. Шлюха, глупая шлюха – и больше ничего! Ей самое место в борделе Ольги Шталь!

Наконец, отсмеявшись, он произнес:

– Мадам, неужели ваша наглость не имеет границ?

– Не смейте меня оскорблять, – холодно отчеканила Ирэн, натягивая, однако, одеяло повыше. – Учтите, ваше будущее зависит только от меня. И вы сами виноваты в этом. Вы были настолько глупы, что признались в покушении на мою жизнь, защищая эту сумасшедшую девчонку, – и теперь его

величество очень зол на вас. Одно мое слово – и вы пойдете под трибунал, а, может, и на каторгу. Но я могу и заступиться за вас, придумать что-то, что вас оправдает. Например, скажу, что вы учили меня стрелять, и случайно меня ранили... Я скажу так, но только... только если вы обещаете быть отныне полностью покорным мне.

– О, даю вам честное и благородное слово, ваше величество, – он снова насмешливо поклонился. Но в следующее мгновение оказался на постели, над женой, и сдавил руками ее горло. Она испуганно вскрикнула. – Вздумали мною манипулировать? Каторгой пугать? Да я с удовольствием отправлюсь туда! Это будет отдыхом после жизни с вами! – Он сжал пальцы чуть сильнее, и она забилась под ним, – не от недостатка воздуха, а от ужаса, какое, наверное, внушило ей его лицо.

– Серж... прекратите... остановитесь... – прохрипела она.

– Убью тебя, гадина! – Но пальцы его уже разжались. Нет, боже правый, он не мог!..

– П-простите... – раздался позади еле слышный дрожащий голос, и Сергей, пробормотав сквозь зубы проклятие, обернулся. Дверь, ведущая в будуар и гардеробную жены, была открыта, там стояла бледная как полотно горничная, Таня, или *Тати*, как называла ее Ирэн, – последняя из длинной череды служивших у нее девушек. Она была тиха, кротка и незаметна. И Сергей в припадке злобы совсем забыл о том, что она может быть где-то рядом!

Раднецкий соскочил с кровати.

– Чего тебе? – грубо спросил он, хотя обычно был всегда очень ласков с Таней. Она побледнела еще больше:

– Я... платье ее сиятельства убираю. И на завтра новое приготовила... Прикажете идти?

– Нет, Тати, остань, – сказала Ирэн на плохом русском. – Будь в будуар, я звал, если нужно.

Горничная присела и скрылась в будуаре, плотно закрыв дверь.

– Ну, что, Серж? – с торжеством спросила Ирэн уже по-французски. – Тати видела, как вы пытались меня задушить. Она будет свидетельницей, если я захочу.

– К черту вас и ее, – равнодушно сказал Раднецкий. Рана пылала; казалось, там развели огонь, и кто-то, находящийся в ней, то и дело перемешивал угли кочергой.

Тут вернулся Карл Витольдович. Он принес два пузырька и поставил их на столик в изголовье кровати Ирэн, которая тотчас позвала горничную, чтобы та запомнила, какое лекарство от чего и как его давать.

– Тут от изжоги средство, – объяснял врач Тане, – а здесь, в темном пузырьке, – лауданум. С ним надо быть очень осторожным. В малых дозах он обезболивает и успокаивает, в чуть больших способен вызывать галлюцинации, а в больших дозах это смертельный яд. Запомните хорошенько: пять капель на полстакана воды, не более. Вот пипетка. Пять капель принять на ночь. Утром, если боль не прекратится,

можно еще три.

Таня послушно кивала.

– Она не перепутать, – благосклонно сказала Ирэн, – она есть девушка умная. Тати, сделать мне. Я скоро пить и спать.

Таня осторожно накапала настойку из пипетки в стакан, налила воды из графина, взболтала и поставила на столик.

...Сергей проводил врача и вновь вернулся в бальную залу. Вечер между тем продолжался; но, как бывает с человеком, в жизни которого за очень короткое время происходит много разнообразных событий, Раднецкому казалось, что он вернулся сюда из страшного далека.

Он был крайне возбужден, рука очень болела и, возможно, поэтому все вокруг виделось ему каким-то неестественным, ирреальным: веселые улыбающиеся лица, смех, звон бокалов, стук каблуков по паркету, музыка... И все вызывало в Сергее отвращение, словно он присутствовал на очень плохом спектакле, разыгрываемом бездарными актерами.

Он увидел государя, непринужденно беседующего с двумя пожилыми матронами; Нащокина не заметил. Но не они сейчас занимали мысли Раднецкого. Он искал в этой толпе Аню. Елизавета Борисовна наверняка уже успокоила ее, сказала ей, что Ирэн всего лишь легко ранена. Сергей не собирался подходить к ней; теперь он знал причину ее ненависти к себе и понимал, что никогда не сможет перед ней оправдаться. Однако ему очень хотелось увидеть ее; быть может, в последний раз... Но он не видел ни девушки, ни ее тети,

хотя несколько раз в котильоне мелькнуло перед ним лицо Алины Березиной, раскрасневшееся, счастливое.

– Ваше сиятельство, как чувствует себя ваша супруга? – раздался вдруг позади тихий голос. Раднецкий обернулся. Позади него стояла Марья Андреевна Березина. Лицо ее было бледным и напряженным.

– Благодарю вас, ей уже гораздо лучше, – ответил он, чувствуя, что этот вопрос задан не просто так. И оказался прав, когда она вздохнула с облегчением:

– Я очень рада. – И тут же брови ее гневно сошлись на переносице: – Этот безумный поступок Анны... Как она могла?!

– Вы знаете?

– О, да. Она сказала об этом мне и Елизавете Борисовне, перед тем, как убежать.

– Она убежала?

– Да. Лакеи сказали: выскочила из дома так быстро, что еле шубку ей подать успели, и в одних туфельках... Сумасшедшая девчонка! До Большой Морской не близко. Елизавета Борисовна, когда вернулась из библиотеки, тотчас поехала за ней.

Раднецкий смотрел на эту женщину, не зная, что сказать ей. Он убил ее сына. Знает ли она об этом? Если нет, то скоро узнает. Аня, конечно, скажет, почему она стреляла в него.

Он неожиданно подумал, что Марья Андреевна очень хороша собой. Они с дочерью похожи: обе высокие, стат-

ные, русоволосые. И глаза одного цвета: голубовато-зеленые, большие, обрамленные длинными ресницами... И покойный Андрей Столбов был тоже очень похож на мать, – вдруг вспомнилось Сергею. Те же русые кудри, светлые глаза, – они так и остались широко открытыми, когда он упал на спину на мокрый снег и умер. В них застыло удивление, – Раднецкий навсегда запомнит этот взгляд...

– Не понимаю, как она могла пойти на такое? – повторила меж тем Марья Андреевна, нервно обмахиваясь веером. – Какое безумство! Я так благодарна вам, ваше сиятельство, за то, что вы взяли вину на себя. Это было так благородно! – В ее глазах сверкнули слезы, а он смутился и даже, кажется, покраснел. – Но Анна... Я растила ее, граф, воспитывала, любила, как собственную дочь. И вот чем она отплатила мне за все! Немедленно отправлю ее к отцу в деревню! Завтра же! Ваше сиятельство, вы можете быть спокойны: вы больше ее не увидите!

– Она не так виновна, мадам, как вам кажется сейчас, – мягко возразил Раднецкий, подумав вдруг про себя: «А буду ли я спокоен, не видя ее больше?.. Скорее, наоборот!»

– О, нет! Что бы ею ни двигало, – как могу я простить такое? Принести на бал заряженный пистолет... Это все было приготовлено заранее, это не было спонтанно. Мерзкая девчонка! А мы-то с Елизаветой Борисовной так радовались, что нашли ей достойного жениха!..

– Как? У Анны Ильиничны есть жених? – неприятно уди-

вился Сергей.

– О, – спохватилась и замялась Марья Андреевна, – это еще не совсем решено...

Раднецкий неожиданно почувствовал болезненный укол в сердце. У Ани есть жених! Интересно, кто он? И знает ли его он, Сергей?

– Могу ли я навестить вашу жену, граф? – спросила Марья Андреевна. – Я бы хотела извиниться перед нею за безобразный поступок моей падчерицы.

– Она приняла лекарство и, наверное, уже заснула, мадам. Быть может, завтра... Но, будьте добры: никто не должен знать о происшедшем. Ирэн просто упала и ударилась головой.

– Я все понимаю, ваше сиятельство, и вы можете на меня положиться. Даже моя Алина ничего не будет знать, – с готовностью заверила его Марья Андреевна.

Он молча поклонился и отошел. Рука... Нет, лауданум нужен вовсе не Ирэн, а ему!

Но кто же, черт возьми, жених Ани Березиной?..

– Маменька! – Алина подошла к матери, и Марья Андреевна поняла, что что-то случилось: дочь была подавлена, так недавно сиявшее лицо ее заволоклось.

– Что с тобой, моя дорогая? Ты же только что танцевала с князем Янковским и была такая счастливая!

– В этом все и дело, – чуть не со слезами отвечала Алина. – Князь сказал мне... – она всхлипнула.

– Что? Что он сказал?

– Он намекнул... что у него близится помолвка, – она снова всхлипнула.

– Глупышка, – улыбнулась Марья Андреевна, – он, видно, имел в виду как раз помолвку с тобою. Мужчины порой так неловки и не знают, как сделать предложение, вот и говорят обиняками.

– О, нет, – Алина с тоской смотрела на мать, – я бы поняла, если б речь шла обо мне... Но Янковский ясно дал понять, что его невеста – другая девушка. Мама! Что же делать?? Я так несчастна!

Лоб Марьи Андреевны прорезала тонкая складка. Губы сжались в узкую полоску.

– Ангел мой, только не плачь, – сказала она мягко, – Алина, ты не должна. Князь не один во всем мире; вспомни, есть еще барон...

– Он старый, и у него бородавка на носу! – воскликнула Алина. – Я не хочу за него! Хочу за Янковского! Почему, почему он передумал?? Я уверена, что он любил меня, что готов был жениться хоть завтра!.. – И вдруг она ахнула: – Маменька, я догадываюсь, в чем тут дело! Это графиня Раднецкая. Помнишь ее угрозы? О, наверное, это она, она наговорила на меня князю, за то, что я...

– Что ты? – спросила мать.

– Да нет, ничего, – смешалась Алина, и лицо ее пошло пятнами.

– Девочка моя, – промолвила мать, – ты ведь одна осталась мне на свете после смерти Андрея; ты – единственная моя радость. Мне горько, что ты мне не доверяешь.

– Я доверяю, маменька, – пробормотала Алина. – Но я, правда, так просто сказала... – И спросила, надеясь сменить тему разговора: – А Аня где? Я ее давно не вижу.

– Не знаю. Наверное, отошла в туалетную комнату.

– Слава богу, что ее здесь нет. Представляю, как бы она обрадовалась моему горю... Ах, маменька! Но надо что-то делать! Неужели эта женщина разрушит мою жизнь?!

– Не разрушит. Обещаю, – твердо ответила мать. – Никто не посмеет помешать твоему счастью. А пока вытри слезы, припудрись и посмотри в зеркало. Кто твой следующий кавалер? Ты должна выглядеть так, будто ничего не случилось.

Алина послушно полезла в ридикюль за пудреницей; Мария Андреевна же обвела залу холодным взглядом, и вновь складочка появилась на ее чистом, как у молодой девушки, лбу...

Генеральша Лисицына появилась вновь на балу ближе к полуночи. Раднецкий увидел ее – и понял: случилось что-то нехорошее. Сердце его сжалось от недоброго предчувствия.

– Ани нет, – первое, что он услышал от тетушки. – Ее дома не было вовсе. Серж, она не здесь? Не вернулась?

Он покачал головой.

– Вот беда-то! – всплеснула руками генеральша. – Куда ж

она могла пойти?

– Не волнуйтесь так, – сказал Сергей, сам не зная, кого больше хочет успокоить: ее или себя. – Верно, к какой-нибудь подруге пошла.

– Да нет у нее никаких подруг! Я точно знаю. Она ж четыре года безвыездно в Шмахтинке просидела. Есть кузины, по отцу, так они сейчас в Москве... Я одна здесь ее родственница. Серж, ах, плохо дело! Она же такая безрассудная! Беды бы какой не случилось, не дай бог... – Она мелко закрестилась.

Сергей нахмурился, машинально потирая вновь заболевшую рану. Что Аня выскочила из дома в состоянии невменяемом, было несомненно. На ночь глядя, зимою, в одних тонких туфельках, – куда могла она направиться? Он вспомнил рассказ Ольги, как та нашла переодетую мальчиком Аню на кабацкой улице, когда к ней приставали какие-то мерзавцы. Вдруг Аню и сейчас занесло куда-нибудь в такое же место? И, возможно, сейчас она в лапах таких же негодяев, беззащитная и хрупкая...

Он вдруг испытал прилив дикой ярости, представив себе эту картину. И эта ярость неожиданно открыла ему глаза на его отношение к Ане: это было не просто желание защитить слабую женщину, тут было нечто гораздо более глубокое... Неужели это любовь? После того, как Ирэн разбила его сердце, он не считал себя более способным на столь сильное чувство; как же могло оно вновь завладеть им, – и к ко-

му? К невзрачной худышке, смуглой, странноглазой девчонке!..

– Серж, а вдруг она... избави нас, Господи! – грех на душу взяла? – отвлекла его от этих мыслей генеральша.

Он и сам боялся этого. Не бросилась ли Аня где-нибудь в прорубь? Или еще как-нибудь не наложила на себя руки?

– Елизавета Борисовна, она не могла так поступить, – твердо сказал он. – Она вернется домой. Непременно. Но вы обязаны держать себя в руках.

– Да я понимаю, понимаю... Знать о том, что было, никто не должен. Марье Андревне-то я всю правду скажу, а вот что Алиночке говорить? Куда сестра ее подевалась?

– Придумайте что-нибудь.

– Придется, – вздохнула генеральша. – Серж, ты уж, коли об Аниуте узнаешь что, немедленно мне известье пошли! Хорошо?

– Обязательно, тетушка.

– Ну, а что жена твоя?

– С ней все нормально. Врач осмотрел, царапина. Лекарство выписал. – Он вспомнил о беременности Ирэн и мрачно усмехнулся. Поздравляю, граф, скоро у вас будет еще один ребенок!..

– Ладно, я Марью Андреевну пойду поищу, – сказала генеральша. – Что-то ее не видно. Так не забудь, Серж: коли об Ане что станет известно, сразу мне сообщи!

Она отошла. Сергей вновь потерял руку и даже заскрипел

зубами от боли. Нет, терпеть он больше не может. Надо что-то принять, иначе он и гостей не сможет проводить достойно.

И он отправился к жене. Каково же было его изумление, когда у двери комнаты Ирэн он увидел Нащокина! Тот с самым наглым видом загородил Сергею дорогу.

– У вашей супруги посетитель, – сказал он значительно. Раднецкий тотчас понял – кто. Но молчать или уходить он не собирался; он уже поднял руку, чтобы оттолкнуть наглеца, но тут дверь открылась, и появился император. Лицо его вспыхнуло, когда он увидел Сергея, но он тотчас справился с собою.

– А, – только и сказал он отрывисто. – Это вы. Мы... зашли узнать, как чувствует себя графиня. Она спит. Мы уезжаем. Не нужно провожать нас. – Повернулся и зашагал, а вслед за ним отправился и Нащокин.

Раднецкий вошел к жене. Она лежала на боку, спиной к нему, прикрытая до подбородка одеялом. Но он не собирался будить ее; он подошел к прикроватному столику, налил из графина воды в пустой стакан, затем взял пипетку, наполнил ее лауданумом и накапал из нее наугад в воду. Взболтал и выпил.

Когда он ставил стакан на столик, дверь в будуар слегка приоткрылась, и в нее выглянуло очень бледное и словно испуганное лицо горничной Тани. Раднецкий заметил девушку, но не придавал значения этому подглядыванию; он еще раз бросил рассеянный взор на спящую жену и вышел.

Отъезд императора положил, как было заведено, конец балу. Гости начали отбывать, вскоре все кареты разъехались. Одними из последних были генеральша Лисицына и Березины. Прощаясь с ними, Раднецкий заметил, что Марья Андреевна очень бледна и как будто даже в легкой лихорадке, – рука ее, поданная ему, слегка дрожала. Алина тоже была подавлена и мрачна.

Сергей даже подумал, что напрасно он считал Марью Андреевну плохой мачехой; несомненно, она переживает за Аню не меньше генеральши.

Наконец, особняк опустел и затих.

Раднецкий еще не чувствовал действия лекарства, хотя руку немного отпустило, а голова слегка отяжелела. Он направился в свои комнаты, желая одного: немедленно, даже не раздеваясь, броситься на кровать и забыться в сне. Но сбежавшая Анна Березина и неизвестность того, что с нею, терзали его. Где она? Жива ли?..

14

Но он не дошел до своих покоев. Один из лакеев вдруг окликнул его, когда он поднимался по лестнице:

– Ваше сиятельство!

– Ну, что там еще? – недовольно обернулся Раднецкий.

– К вам дама-с.

– Какая дама? – Но Сергей уже понял, какая, и сердце его радостно забилося. Аня здесь! Она нашлась!

Однако лакей опроверг его предположение. Он ответил:

– Не имею чести знать-с. Вроде как не из простых, а вроде... – Лакей замаялся. – Под вуалькой-с, – добавил он, будто это могло объяснить хозяину, из какого слоя общества посетительница. – Хотела раньше вас видеть, да вы его величество провожали и гостей, и она обождать попросила в передней-с. Говорит, дело крайне важное. Там и сидит уж, наверное, полчаса-с.

Сергей нахмурился. Дама под вуалью, с важным делом... и это в полпервого ночи?

– Я иду, – сказал он и начал спускаться.

Но в передней никого не оказалось. Он оглядывался во круг, постепенно закипая.

– Похоже, ушла-с, – сказал слуга. – Вот здесь сидела, на диванчике-с. – Он указал рукой.

– Ушла, так ушла, – зло произнес Раднецкий, добавив про себя: «И черт с ней!».

– А шубку-то оставила-с, – произнес лакей, и снова указал рукой, и Сергей увидел на стуле рядом с диванчиком черную короткую шубку.

Сергей с недоумением смотрел на эту вещь, как вдруг из боковой двери появилась женщина в темном платье, в меховой шапочке с густой вуалью.

– Ваше сиятельство, – сказала она с легким акцентом, слегка приседая, и Раднецкий тут же узнал ее.

– Иди, – бросил он лакею. Тот мигом исчез. Сергей по-

дошел к женщине, глядя на нее в замешательстве и удивлении: – Ольга! Что ты тут делаешь? И в такое время?

– Слуга не сказал? Дело есть. Важное. – Она откинула вуаль.

– А где ты была сейчас?

Она усмехнулась.

– Комнату искала. Женскую. Ждала долго, захотелось. Но что за дело, – тебе интересно или нет?

– Интересно. Однако видеть тебя здесь и сейчас...

– Все объясню, – перебила она его. – Скажи сначала: твоя жена живая? Слуга не говорит. Я спрашивала, он молчит.

– Живая, – удивился он этому вопросу. – Почему ты спрашиваешь?

– Потому что... помнишь мальчика Катю?

– Да. – Он начал понимать.

– Она у меня.

– У тебя?? – поразился Сергей. – Аня... у тебя?

– У меня, – повторила Ольга, внимательно на него глядя. –

Прибежала ко мне на Итальянскую. Гуго проводил до меня. Плачет, истерика: «Я убила графиню Раднецкую!» В бальном платье под шубкой, в туфельках. В таком виде ко мне никто еще не прибегал, хотя я много что повидела. Я оставила ее с девушками, сама с Гуго сюда. Ты извини, я не хотела тебя компрометировать, но делать было ничего. Ты скажешь, что случилось? Кого она убила?

– Ее надо срочно отправить домой, к тетушке, – реши-

тельно начал Сергей, игнорируя Ольгин вопрос. – Пусть Гуго немедленно отвезет ее на Большую Морскую в дом генеральши Лисицыной.

Ольга покачала головой.

– Она не поедет. Я говорила. Плачет, трясется. «Убила!» повторяет. Я к тебе собираюсь, – меня за руки хватает, держит. Ты, говорит, к маменьке моей хочешь ехать, не пушаю. Никто не должен знать, где я, говорит. Я сказала: дела у меня, еле ушла. Ты скажешь или нет: что случилось здесь у тебя?

Раднецкий кусал губы.

– Аня стреляла в меня. Но случайно попала в Ирэн, – вернее, пуля чиркнула по виску, все обошлось. Аня испугалась, бросила пистолет и убежала. Тут ее родные обыскались.

– А почему стреляла? – спросила Ольга.

– Я убил ее брата на дуэли пять лет назад.

– О! Девушка горячая. Пять лет ждать – долго. Понимаю, почему она тебя следила. Но, Сергей, делать что с ней?

– Поезжай, успокой ее, скажи: Ирэн жива. Пусть возвращается к родным, они с ума ведь сходят от неизвестности.

– Она не поверит мне, – покачала головой Ольга. – Ты должен ехать, убеждать.

– Я не могу, – хмуро произнес Раднецкий. – Я признался государю, что стрелял в Ирэн, и он велел мне находиться под домашним арестом.

– Ты признался? Мой благородный Сергей. За то тебя и люблю. Но ты должен ехать со мной. Или за тобой здесь

следят?

– Кажется, нет. Но я дал слово императору... – Однако Сергей уже колебался. Аня действительно могла упереться и не захотеть вернуться к тете. И она могла не поверить словам Ольги, что Ирэн жива... Было и еще одно обстоятельство: ему очень хотелось увидеть ее. В последний раз, – если мачеха впрямь завтра отправит ее, как обещала, в деревню к отцу.

Он взглянул на напольные часы: был без пятнадцати час.

«Придется поехать, – решил он, наконец. – К черту приказ императора! Я вернусь через час, если не раньше. Никто ничего не узнает». И он твердо сказал Ольге:

– Едем.

Всю дорогу до Итальянской он зевал. Глаза слипались, нестерпимо хотелось спать.

– Что с тобой? – спросила Ольга. Он не ответил; не хотелось рассказывать о своей ране и о том, что принял лекарство. Наконец, они приехали и поднялись на второй этаж, в Ольгину квартиру.

Мысль об Ане и тревога за то, как бы она не убежала и отсюда, немного взбудрили Сергея. Но Аня была в комнате; она металась из угла в угол, как волчица по клетке. Глаза ее лихорадочно блестели, щеки горели нездоровым румянцем. Две девушки, на лицах которых профессия уже оставила свои следы, встали при входе хозяйки.

– Ну, что? – спросила Ольга, вошедшая первой, кивая на продолжавшую быстро ходить по комнате Аню. Раднецкий остался за дверями; он не хотел при Ольгиных девушках какой-нибудь сцены.

– У меня уже в глазах рябит от нее, мадам, – недовольно молвила одна, постарше.

– Говорила что?

– Молчит.

– Чаю налили бы ей.

– Ничего она не хочет, мадам.

– Хорошо. Идите. – И, когда девицы удалились, сказала: – Сергей, войди.

Раднецкий вошел. Аня остановилась и остолбенело уставилась на него, как на ожившего покойника.

– Добрый вечер, Анна Ильинична, – произнес он.

– Что... что он здесь делает? – наконец, сказала она хриплым голосом, обращаясь к Ольге. Но ответил ей Сергей:

– Я приехал за вами. Моя жена жива, вы ее ранили, но очень легко. Пуля просто царапину на виске оставила.

Она недоверчиво смотрела на него.

– Я говорю правду. – Он говорил и чувствовал, что язык еле шевелится во рту. Снова потянуло в сон, неудержимо, так бы и лег прямо здесь на ковре... – Анна Ильинична, вы должны вернуться домой. Ваши маменька и тетушка очень переживают, не зная, где вы, и что с вами.

– Я не вернусь. – Она покачала головой и даже отступила

назад, будто боясь, что сейчас он схватит ее в охапку и потащит из квартиры. – Я не могу... Не могу показаться им на глаза.

– Сергей, может, Гуго звать? – спросила Ольга. Она явно была настроена решительно. – Барышня ехать не хочет, надо ей помочь.

– Нет! – вскрикнула Аня, испуганно метнувшись к кровати и хватаясь за столбик. – Не поеду! Никуда не поеду!! – и добавила уже спокойнее: – Завтра. Завтра поеду. Пожалуйста. – Это было произнесено уже шепотом, как детская мольба.

В другом состоянии Раднецкий, может быть, и не слушал ее, и впрямь силком отвез бы к тете, но сейчас ему было почти все равно.

– Хорошо, – сказал он. – Ольга, до утра Анна Ильинична побудет здесь.

– Но,..– запротестовала было Ольга, но он так посмотрел на нее, что она тут же замолчала. – Я напишу записку к генеральше Лисицыной, что ее племянница в безопасном месте, пусть Гуго отвезет на Большую Морскую. Я сейчас напишу и поеду обратно домой... – Он сел к секретеру, достал из пачки лист бумаги и открыл чернильницу. – А утром Гуго отвезет туда Анну Ильиничну. – Он взял в руку перо, удивившись его тяжести, и начал медленно водить им по бумаге, едва видя, что пишет.

– Но, Сергей, так нельзя, – сказала Ольга. – Барышня хо-

рошей семьи. Она не может здесь остаться на ночь. Сергей... да что с тобой?

Голова Раднецкого упала на стол. Ольга подошла и потрясла его за плечо, но он не шевелился.

– Вот черт! Спит. Не разбудить. Что делать теперь? – спросила она у Ани. Та пожала плечами. – Придется Гуго звать.

Гуго было приказано перенести Раднецкого в будуар и уложить там.

– А что делать с вами? – спросила, когда слуга вышел, скорее саму себя, нежели Аню, Ольга. – Куда вас на ночь поместить? У меня все комнаты заняты... Ладно, – решила вдруг она, – вы здесь останьтесь. Только обещаете – не убивать его. Обещаете?

Аня послушно закивала.

– Вы здесь ложитесь. – Ольга указала Ане на свою кровать. – Я ухожу. У меня работа. Много работы ночью. Утром приду. Давайте платье расстегну, помогу вам. Вот. Теперь ложитесь и спите.

Она ушла. Аня осталась одна. Она подошла к закрытой двери в будуар, приоткрыла ее и посмотрела в щелку. Раднецкий лежал на спине, прямо на полу, на расстеленном куске овчины, накрытый одеялом. Несколько минут Аня глядела на него, мелко дрожа. Он был совершенно беззащитен сейчас, когда так крепко спал. Она могла бы довершить начатое и отомстить за Андрея...

Но сил у нее не было, да и желания тоже. Как холодно!

Она закрыла дверь в будуар, разделась, подошла к кровати, откинула покрывало и юркнула под одеяло. Какое-то время лежала, ворочаясь с боку на бок, пытаюсь согреться и стуча зубами; затем все же провалилась в сон...

«Мой любимый Андрей! Сейчас у нас в Шмахтинке начало июня. Белая ночь, очень теплая. Даже жаркая. Я сижу у окна в своей спальне, смотрю на небо и вдыхаю благоухание сирени. Как она пахнет ночами! Ты помнишь, любимый: именно под сиренью, в такую вот белую ночь, ты в первый раз поцеловал меня. Мне было четырнадцать, тебе семнадцать. Но я уже тогда знала, что буду твоей, только твоей! Я тогда уже любила тебя без памяти...

Андрей, очень душно. Я распахнула окно настежь, а дышать все равно трудно. Я зажгу свечу и выйду в сад. Ты ждешь меня там, я знаю. Под нашей, под той сиренью... Я приду к тебе.

Ночная роса приятно холодит ноги... А ветра нет, сад не колышет ни листочком. Я иду по траве, неслышно ступая босыми ногами.

Все равно душно. Снять все. Сбросить с себя. Я буду Евой. А ты – Адамом. А наш сад – Эдемом... Вот она впереди, наша сирень. Я вижу тебя под нею, мой возлюбленный. Ты лежишь и спишь. Как ты прекрасен! Я разбужу тебя поцелуем, легким, как прикосновение крылышка ночного мотылька...

Проснись, мой любимый! Я пришла к тебе. Я хочу быть с тобою! Это я – твоя Annette!»

Раднецкий открыл глаза. Вернее – открыл в очередном сне. В эту ночь они снились ему один за другим, необычно яркие, фантазмагорические. Но этот был самым ярким и самым причудливым: над ним склонилась Анна Березина, совершенно обнаженная, со свечой в руке.

– Проснись! – звала она; глаза ее сияли, как звезды. – Проснись, любимый! Это я! Я пришла к тебе! Я твоя!

Чувство, которое заставило его протянуть ей навстречу руки и привлечь к себе, – чувство, овладевшее им в тот миг, было несравненно глубже и сильнее всего испытанного прежде; ни одну женщину, включая Ирэн, он не желал так страстно, так отчаянно.

Какая-то часть сознания Сергея, совсем крохотная, сомневалась и колебалась, говоря: «А вдруг это не сон?» Но Аня была совсем не похожа на ту девушку, которую он знал; она хотела его не меньше, чем он, ее руки и губы делали с ним то, что не позволила бы себе никогда ТА Аня Березина; ЭТА не знала стыда и была так прекрасна, так проста и так естественна в желании разделить с ним блаженство! О, нет, это не могло быть явью; совершенно не могло! А, значит, прочь сомнения и колебания!

Ее хрупкое тоненькое тело было совершенно; она шептала ему, чтобы он целовал ее, и нетерпеливо подставляла ему

губы, плечи, маленькие тугие груди... Ее руки жадно сдирали с него одежду, стремясь дотронуться до его обнаженной кожи, и он застонал, когда они бесцеремонно стянули с него рейтузы и обхватили его уже напрягшееся естество, будто ребенок – долгожданную игрушку.

...Он вновь услышал тот призыв крохотной части сознания, когда начал овладевать Анной и почувствовал, как узко и тесно там, куда он стремился; призыв стал громче, слившись с вскриком, который девушка издала, когда он погрузился глубже... И замолк, когда, сделав несколько толчков, Сергей почувствовал, что она отвечает ему, что она целует его, что шепчет ему слова любви, что обнимает его и руками, и ногами, – и подается навстречу ему, исступленно, самозабвенно...

«Мой любимый, мой несравненный, мой долгожданный Андрей! Наконец-то я узнала всю силу твоей любви! Никогда, никогда не была я так счастлива! Да, я испытала боль, но это было всего мгновение; а затем... О, затем ты сделал так, что я забыла обо всем, и хотела лишь одного: чтоб это никогда не кончилось! Ибо это было так прекрасно, так сказочно! Вот оно, единение тел и душ! Вот брак, который мы заключили с тобою, мой возлюбленный, наперекор всем законам, наперекор самой смерти! Ты был моим, а я – твоей, и более ничто в целом мире не сможет разлучить нас!»

– Сергей! Сергей! Проснись! Hol's der Teufel*! Проснись уже!..

Раднецкий с трудом разомкнул веки. Над ним было Ольгино лицо – необычно злое, бледное, рот искажен, глаза сверкают.

– Ольга... В чем дело? – пробормотал он, чувствуя, как странно, будто чужой, шевелится язык во рту.

– В чь-ём дело? – передразнила она его, – от волнения немецкий акцент ее стал сильнее. – Смотри, кто лежит с тобой! Что значит это?

Сергей повернул голову – и увидел рядом лицо Анны Березиной. В отличие от Ольги, оно пылало, губы запеклись. Она была в жару и, кажется, без сознания.

– Боже правый... – Он моментально все вспомнил и резко сел. И охнул – тут же дала о себе знать раненая рука. А перед глазами все поплыло, как после хорошей попойки.

– Как она тут оказалась с тобой? – спрашивала Ольга. – Говори. Что было ночью?

– Она... – «Сама пришла», – хотел сказать он, как было; но что-то удержало его. – Я не помню. Ничего не помню.

– Ты ее... – Ольга не продолжила; он откинул одеяло, чтобы встать, и она увидела на Анне и на нем следы крови, ясно говорящие о произошедшем. – Черт возьми тебя-я! – Она потрогала лоб Ани. – Она больна. Сильно. У нее жар. Как мог ты сделать это с ней??

Сергей видел все и сам и ужасался не меньше ее. Страшно захотелось курить, – Раднецкий бросил давно, когда врачи сообщили, что у Коли слабые легкие, но порой, в тяжелые минуты, желание возвращалось.

Он, пошатываясь, встал и кое-как, с большим трудом, начал одеваться. Ольга следила за ним недобрыми глазами, не помогая ему.

– Не смотри на меня так! – огрызнулся, наконец, он, не выдержав этого взгляда. – Я не знал, что делаю. Думал, это все во сне. Вчера я принял в комнате Ирэн лауданум, чтобы руку отпустило. Лекарство затуманило сознание...

– Так затуманило, что ты пошел, принес ее сюда, раздел и изнасиловал? – поинтересовалась Ольга. – Больную, в жару?

– О, черт! – вырвалось у Сергея. Оправдываться было нелепо и глупо. Да, он виновен, и без всяких смягчающих обстоятельств.

– Что делать теперь? – спросила она, видя его состояние и слегка смягчаясь. – Сергей, придумать что? Как быть нам?

Он потрогал тоже Анин лоб; она пробормотала что-то неразборчивое; ему показалось, что одно слово было имя – Андрей.

– Что делать? – повторил он за Ольгой. – Везти ее домой. Немедленно. Ей нужен врач. У нее сильный жар. Да, письмо... я вчера писал генеральше Лисицыной, – вспомнил он. – Гуго отвез его?

Ольга нехорошо засмеялась.

– Ничего ты не написал. Каракуль... Так говорю? Нет. Каракули, так? Ты заснул за столом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.